

ЕГОР ДАНИЛОВ
**СЕМЕНА
ПЕРЕМЕН**
СЕМИГРАДЬЕ. ЛЕТОПИСЬ I

Литературный конкурс
«Битва жанров»

Победитель
в номинации
Фэнтези

Литрес

Егор Данилов
Семена Перемен
Серия «Семиградье», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68914296

SelfPub; 2023

Аннотация

Что, если мир должен умереть? Что, если на небосводе появилось новое Светило? Что, если жизнь зависит от семи огромных Башен, построенных богами и извергающих из недр Завесу? Что, если Башням предreshен конец? В страшные дни три совершенно разных героя оказываются вовлечены в череду событий, которая навсегда изменит их жизнь. Мальчик Эрик хочет найти цверга из маминой сказки, мечник Цзиньлун продолжает плыть по жизни, не задумываясь о проблемах, и лишь исследователь Амаль понимает ту опасность, которая нависла над миром. Смогут ли они что-то изменить, и как прорастут Семена Перемен? Масштабное фэнтези в стиле Р. М. Вегнера, Б. Сандерсона и А. Сапковского для ценителей арабского колорита, китайской эстетики и атмосферы европейского средневековья. Роман-победитель конкурса Литрес «Битва жанров» в номинации «Эпическое фэнтези».

Содержание

Пролог	5
Часть I. Эрик	7
Глава 1. Другие вещи	7
Глава 2. Семейные тайны	56
Глава 3. Ягодный пирог	92
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Егор Данилов Семена Перемен

Пролог

Когда тебе двадцать, ты не хочешь видеть кровь.

Но третий день центурия удерживает вершину холма. Третий день звенит оружие, трещат щиты, свистят стрелы. Рядом падают товарищи, и, кажется, смертям нет конца. Металл не щадит никого: ни молодых, ни старых; ни грешников, ни праведников. Война – великий уравниватель.

Если не думать, становится проще. Твой приказ – стоять любой ценой. И ты стоишь, раз за разом отбрасывая атаки дружины князя Аудульва. Он силен как волк, несется впереди своего крига, рычит, словно голодный зверь, отбивает удары коротких мечей, забирает жизни без счета. Но все же отступает. А за ним и дружина.

Короткая передышка наполнена тишиной и стонами раненых. Тем, кого убили сразу, повезло. Остальные предоставлены собственной боли. Мало кто может ее выдержать, сохранив достоинство. Каждый сломается по-своему – кто-то раньше, кто-то позже, – но сломаются все. Опцион Генуций, потеряв ногу, визжит, как свинья, когда рану прижигают каленым железом. Не помогают ни годы службы, ни знак отличия – продольный гребень на шлеме. Говорят, он повидал много походов и в конце прошлого года должен был завершить службу, но началась Большая война и призывать начали даже ветеранов.

Кажется, никто не понимает, за что воюет. Обычная жизнь закончилась, а вместе с ней закончились и привычные цели: завести семью, построить дом, вырастить детей. Счастье сейчас – дотянуть до завтрашнего дня, получить свою порцию похлебки из общего котла, пару часов поспать. Раньше это казалось чем-то обыденным, теперь – роскошь.

Трубы предупреждают о новой атаке. Центурия выстроена, пílумы готовы встретить самых отчаянных. Бросок. Тонкие наконечники врезаются в щиты, тяжелые древки тянут их к земле. Пришло время мечей, смертей и крови.

Когда тебе двадцать, у тебя нет выбора.

Часть I. Эрик

Глава 1. Другие вещи

Эрик бежал по улочкам Пáтеры. Прямо перед ним, скрытая у основания домами, высоко в небо уходила огромная Башня. Ее отвесные склоны чернели, словно шкура соседского кота, а стаи городских голубей никогда не поднимались выше середины. На таком расстоянии отдельных птиц уже не было видно. Их группы казались похожи на размытые, постоянно меняющие формы полупрозрачные кляксы, в очертаниях которых мальчику виделись образы волшебных летающих животных из маминых сказок. С вершины титанической Башни, словно из жерла вулкана, извергались клубы дыма и пепла, застилавшие небо от края до края. Покуда хватало глаз, если не оборачиваться, небосвод был холодно-серым и угрюмым, но Эрик знал, что за спиной, со стороны *серпа*, упрямые лучи Светил пробивали толщу смога и окрашивали его в голубые и желтые тона.

В правой руке Эрик держал три камушка. Нашел их на площади и теперь перекачивал в ладони. Круглые и шероховатые, привычно-серого цвета, они неуловимо отличались от остальных. Мия, старшая сестра, посмеивалась всякий раз, когда он пытался втолковать, чем его привлек тот или иной

предмет. «Совсем из ума выжил?» – говорила она, а Эрик краснел и злился. Как можно объяснить то, что не понимаешь сам?

На одном из перекрестков дорогу преградила пара широкоплечих либеров в серых балахонах с гербами Культа Чаши – золотыми кубками на красном фоне. Мальчик покрутился вокруг, но заглянуть за спины так и не смог.

– Эй, малой, – окликнул Эрика крепко сложенный мастеровой-гуддár. – Полезай-ка на плечи. Смотрю тебе шибко интересно, что там происходит. Свои своим всегда помогают! – Гуддар ухмыльнулся, обнажив нестройный ряд зубов. – Давай, смелей!

Эрик забрался на плечи и только потом догадался неловко сказать:

– Спасибо.

– Да брось, – отмахнулся тот. – Твой поди моему сыну тоже подсобил бы! Так ведь? Правильно говорю?

– Правильно, – улыбнулся Эрик. Отец любил детей и никогда не бросал никого в беде.

– Вот. Гуддары своим всегда помогают! И ты мотай на ус, хоть усов у тебя пока и нет, – мастеровой фыркнул от собственной шутки. От него пахло потом и железом. Эрик подумал, что он, наверное, тоже работает в кузне, как и отец. Плечи у мастерового были сильные и крепкие, сидеть на них – одно удовольствие. – Ну так что там, видно тебе?

Эрику было видно. За широкоплечими либерами шество-

вала процессия из служителей Культа разных рангов: аколитов, целлитов и ораторов. Все они несли чаши или кубки, ярко сверкавшие в лучах Светил, начавших свой Третий Оборот и клонившихся к закату. Замыкали колонну с десятков могучих воинов на рослых лошадях и в полном боевом облачении. Эрик вытянул шею и залюбовался: темные доспехи, за спинами – треугольные щиты, у седел – мечи в ножнах, в руках – длинные копья с развевающимися на ветру прапорами.

– Культисты идут, – сообщил Эрик мастеровому. – Некоторые на лошадях, при оружии и в доспехах.

– Деканы, стало быть, – задумчиво проговорил тот.

Процессия прошла, и либеры освободили дорогу. Мальчик еще раз поблагодарил мастера и вприпрыжку побежал дальше.

* * *

– А, это ты, Эрик, – встретил мастер Фрбуд в дверях книжной лавки. Старое лицо выглядело встревоженным и от этого казалось еще более иссохшим, чем обычно. – Что-то случилось?

– Вот. – Эрик протянул старику клочок бумаги. – Отец передал записку.

Мастер Фроуд забрал листок и, уступая дорогу, проговорил:

– Заходи, сегодня в городе беспокойно. Понимаю, что в тринадцать сложно усидеть на месте, но ты уж постарайся.

Эрик послушно нырнул в тесное помещение: повсюду привычные полки с книгами, полумрак, запах бумаги, пара свечей на прилавке. Мальчик обожал это место. Здесь можно закрыть глаза и представить себя отважным воином, древним правителем или странствующим торговцем. В одно мгновение стать кем угодно и посетить какое угодно место. Старые книги словно протягивали мостик между сегодня и вчера. Дотронешься – и ты уже там.

– Так, что тут у нас? – откашлявшись, пробубнил мастер Фроуд, развернул записку и поднес к одной из свечей. – Подожди немного, напишу ответ.

Эрик пожал плечами и принялся в сотый раз разглядывать корешки книг на одной из полок. Старые и потрепанные, они содержались в идеальном порядке. Некоторые мальчик узнавал: лавочник пересказывал содержание, а иногда – и это был праздник! – читал, медленно водя пальцам от строки к строке.

– Мастер Фроуд, а эта про что? – спросил Эрик привычно, указывая на толстый том в кожаном переплете.

Старик отвлекся:

– Эта книга альмаута Гияса аз Фареха. Морехода и путешественника.

Как-то на рынке мальчик видел альмаутского купца. Родители тогда сказали ему, что темнокожие торговцы прихо-

дят в Семиградье со стороны *факела* и здесь, в Патере, бывают редко. Купец носил просторные одежды, перехваченные широким желтым поясом, и смешной головной убор, похожий на скрученную в шар простыню. Но больше всего мальчика поразил цвет его кожи, серо-коричневый, совсем не такой, как у родни Эрика.

– И где бывал Гияс?

– Много где. Добирался сюда, в Семиградье. Посещал страны за *копьем* и *жезлом*. Пересекал море Серпа и Арфы, Серые горы за *чашей*. Все шесть сторон. И о каждой стороне написал так, как никто до него. Помнишь, я рассказывал о джунглях Вѣджды?

Эрик кивнул.

– Я никогда там не был, но читал Гияса. А он пишет так, что не забудешь.

Старик замолчал, а мальчик перевел взгляд на следующую книгу:

– А эта о чем?

– Эта о травах, о том, как лечить, как снять боль и усталость. Хорошая книга, ее написал целлит Люсиан, слышал о таком?

– Неа, – Эрик покачал головой. – А он давно жил?

– Около ста двадцати лет назад.

Эрик начал загибать пальцы. Старик усмехнулся.

– Получается, что давно, – бросил Эрик, дойдя до десяти.

– Получается, что давно, – согласился лавочник, не отры-

ваясь от письма.

– А вы знали его, мастер Фроуд?

– Я родился уже после того, как Люсиана казнили.

– Казнили? Но за что? За эту книгу?

– Если бы за нее, то она бы здесь не стояла.

Мальчик почесал затылок, ожидая разъяснений, но лавочник вместо этого протянул сложенный вчетверо листок бумаги.

– Беги, Эрик, – сказал он и похлопал ребенка по плечу.

* * *

Недалеко от дома Эрик остановился, чтобы перевести дух. Сел на корточки и стал подбрасывать камушки, которые держал в руке. Те раз за разом взлетали и с глухим шлепком возвращались на ладонь. Мальчик залюбовался, как они крутятся в воздухе, как на мгновение замирают в верхней точке и устремляются вниз. Иногда то один, то другой подмигивал ему ярким бликом – то голубоватым, как Вен, то желтым, словно Сбла. От этой непредсказуемой игры света Эрик жмурился и улыбался. Он еще долго мог бы просидеть так, но Светила опускались все ниже, и очень скоро Сола должна была спрятаться за Вена, а потом оба они – исчезнуть за горизонтом.

Придя домой, мальчик передал отцу записку, и тот ненадолго удалился с матерью в дальнюю комнату, поскольку, как

и сын, не умел читать и писать. За него это делала мама. Вскоре родители вернулись, и семья заняла свои места вокруг стола. На ужин были рагу из овощей и ржаные лепешки. Бархатистый запах наполнил кухню, в животе заурчало, и Эрик понял, что проголодался. Новости, однако, рвались наружу.

– Сегодня видел конных воинов, мне сказали, что это де... деканы. Что они делают в городе?

– Хотел бы я знать, – задумался отец, покрутив в руках деревянную ложку. – Кушай, Эрик, не отвлекайся. Стол сегодня полон, порадуемся этому.

Какое-то время ели в тишине. Наконец, мальчик опять не выдержал:

– Эти... как их... деканы, они такие... страшные и... красивые.

Мия, сестра Эрика, хмыкнула.

– Деканы очень опасны, – сказал отец. – Это посвященные воинских Орденов, ударной силы Культов. В мирное время их обычно не встретишь на улицах городов. Они несут с собой смерть, помни об этом и не вставай на пути. И ты, красавица, тоже, – он указал ложкой на Мию.

– А чего я? – возмутилась сестра и удивленно распахнула глаза, точно так же, как иногда делала мать.

Отец улыбнулся, но спорить не стал. Когда закончили ужинать, поцеловал жену и детей, собрался и вышел. Никто не задавал вопросов, все знали: папа иногда уходит вечером

и возвращается только под утро. У папы – дела.

– Мам, а расскажи что-нибудь? – попросил Эрик, когда они ложились спать.

Дети любили, когда мать рассказывала сказки: о древних героях, о победах и поражениях, о страшных чарах и катаклизмах. Казалось, она знала их тысячи, и Эрик с Мией давно это усвоили.

– Сказку? – мать задумалась. – Хорошо. Но вы пообещаете никому и никогда ее не повторять.

– Обещаем! – хором ответили дети.

Этот ритуал предшествовал каждой маминой истории, а рассказчицей она была восхитительной. Ее голос звучал то тихо и приглушенно, то с таким напряжением, что казалось, вот-вот зазвенят стекла в оконных проемах. Она говорила певучим, рифмованным слогом. В нем были радость и печаль, древнее величие и искреннее чувство. Сами боги оживали и разыгрывали настоящее представление, полное загадок и удивительных тайн, которых не встретишь в повседневной жизни.

Прозвучали первые слова истории, и Эрик плотнее закутался в теплое одеяло.

* * *

Когда мир был молод, землей управляла прекрасная Сола, владычица-дева.

*Добра была к злакам, цветам и животным,
к рыбам и птицам – всему, что дышало.
В те времена на небе ночами
звезды сверкали, бусины света.
Завесой не скрытые, мир освещали,
странникам ночью в пути помогая.
Сам Наблюдатель прокалывал небо
в дни сотворения брэнного мира,
чтобы светили и мир вдохновляли
искорки света в ночном небосводе.
Люди счастливые жили в достатке,
без войн и страданий, как малые дети.*

Слова матери разносились в полумраке комнаты, и вот Эрик уже видел на темных досках потолка яркие белые точки. Они подмигивали ему и шептали на разные голоса. По груди побежали мурашки, спустились до пяток, пощекотали кончики пальцев. Как всегда в предвкушении чего-то нового, мальчик заулыбался.

*Память людская короткой бывает,
но сохранились о Соле преданья.
От разных мужей, славных героев,
шесть сыновей принесла она миру.
Каждый был лидером, славным поэтом,
мудрым мыслителем, вестником света.*

*Каждый был статью могуч и прекрасен,
быстрый умом и душой справедливый.
Шесть сыновей, порожденные Солой,
власти достойные более прочих,
стали князьями для разных народов,
дабы их всех на путь света наставить.
Правили мирно и милосердно,
как Сола учила, и все были рады.*

На этих словах мать замолчала. Эрик забеспокоился, что история прервется так и не начавшись. Мия открыла было рот и хотела что-то сказать, но мать продолжила:

*В давнюю пору Вен синеглазый
в облике мужа на землю спустился.
Был он глашатаем, странником-богом,
волю он нес Наблюдателя миру.
Славы не ждал, не искал восхваленья,
был беспристрастным, невозмутимым.
Сердце его, словно звездный осколок,
тайной лучилось и дивной красою,
но незнакома ему была радость,
грусть незнакома и страсти томленье.
Так по земле путешествовал странник
и повстречал благородную деву,
ликом нежнее рассветного неба,
мудростью речи ни с кем не сравнимой.*

*Солой представилась Вену та дева,
Имя ее он навеки запомнил.
Сердце, что раньше не ведало счастья,
вспыхнуло ярко в то же мгновенье
и засияло невиданным светом,
пламенем страсти забушевало.
Не было силы большей на свете,
чем тяготение души между ними.*

Воображение Эрика разыгралось. А как еще, если речь заходит о богах? О богах, тела которых подобны звездам. Он представил себе, как бьется и переливается всеми оттенками синего и голубого пламенное сердце Вена. Как оно пульсирует в груди, как сжимается от чувств и снова расширяется, испуская потоки тепла, словно костер, в который подкинули дров. А синие глаза? Должно быть, те были похожи на два бездонных колодца, и упав в них вряд ли кто-то смог бы выбраться наружу. Как же на него могла смотреть Сола? Наверно, и она обладала столь же пронзительным взглядом. Эрик представил ее желтые глаза, и они показались ему очень добрыми.

Мать продолжала рассказывать. Вен захотел забрать с собой Солу, но та отказалась. Она не могла бросить детей, и хотя ей больше всего на свете хотелось быть рядом с прекрасным богом, видела, что от испепеляющей красоты Вена ее мир увядал: цветущие долины обращались в степи; пол-

новодные реки – в маленькие ручьи; сухая и бедная почва не приносила ни хлеба, ни сладких плодов.

*Видел все Вен и, печалью объятый,
так говорил он возлюбленной Соле:
«Ты лишь одна не боишься сиянья,
прочим мой свет дарит только погибель.
Ранит мне душу разлука с тобою,
но должен я мир твой немедля покинуть.
Я ухожу, но в подарок оставляю
из ярких топазов мое ожерелье.
Пусть голубыми своими лучами,
греет оно твое доброе сердце».
Так говорил Вен, а после умчался,
тучи пронзая своей колесницей.*

Эрик представил повозку, запряженную двумя лошадьми. Та быстро неслась по небу, оставляя ярко-голубой след. Постепенно она удалялась и наконец превратилась в маленькую, едва заметную точку.

*Два года прошло, и природа воспряла:
зрела пшеница, и реки шумели,
благость наполнила мир, как и прежде,
Сола одна лишь в тоске пребывала.
Помнила Вена, у сердца держала*

*из ярких топазов его ожерелье.
Плакала дева и в небо смотрела,
Как синегривая там колесница
мимо неслась, но не было счастья:
вдали от любви кому будет мило?*

Мать вновь замолчала, чтобы перевести дух. Дети переглянулись, ожидая продолжения. История так захватила Эрика, что он в нетерпении заерзал под одеялом. На улице раздался лай собаки, но вскоре стих. В наступившей тишине мать продолжила:

*«Любишь его?» – сын старший воскликнул.
«Да», – отвечала она без запинки.
«Так позови, раз иначе не можешь,
видеть страданья твои нестерпимо».*

И снова синеглазый Вен спустился на своей пылающей синегривой колеснице с неба. И снова не было предела счастью Солы. Но все живое на земле стало угасать от его близости: степи обращались в пустыни; русла рек пересыхали, и никакие дожди не могли их наполнить; горели леса, а животные бежали в страхе от дыма и пламени. И снова Вен вынужден был покинуть возлюбленную, а та – плакать в саду, проклиная его испепеляющую красоту.

*Еще год прошел, и природа воспряла.
Лишь Сола одна тосковала как прежде.
С печалью в глазах ходила по саду
в ярком топазовом ожерелье.*

Когда ей становилось совсем плохо, она тихонько пела, вкладывая в пение все свои чувства. Тогда к ней слетались стаи птиц и на сотни голосов вторили ее грусти. Печальные мелодии разносились окрест, и вот, подхваченные все дальше и дальше, слышались на другом конце земли в вое волков, пiske мышей или звуках старой лютни менестреля.

*Один за другим к тоскующей Соле
поочередно сыны приходили.
Читал сын второй ей длинные сказы,
силясь отвлечь от душевных страданий.
Невиданный праздник третий устроил,
дабы весельем наполнилось сердце.
О жизни народов молвил четвертый,
мать чтоб заставить делами заняться.
Пятый ей крикнул: «Выбрось подарок,
из ярких топазов его ожерелье.
Сердце твое оно держит в оковах,
камни не дарят тебе утешенья,
смотришь на них и печалишься больше,
свет их не греет. Выбрось подарок!»*

Каждый хотел помочь матери, но та лишь сильнее запи-
ралась в своем горе. Охваченная переживаниями, она за-
бросила дела, а в жизни простых смертных становилось все
меньше достатка, мира и гармонии. Сыновья начали ссо-
риться, поскольку некому было направить их своей мудро-
стью. Вслед за сыновьями ссорились и их верные последова-
тели. Пролилась первая кровь.

Камни топазового ожерелья наполняли душу Сола ми-
моленной радостью, но не могли заменить любимого. Быва-
ло, перед сном она подолгу вглядывалась в отблеск свечи на
гладкой поверхности камней, и тогда на украшение капали
слезы. Как-то, проходя мимо реки и вспомнив призыв одно-
го из сыновей, она сорвала ожерелье и выбросила в воду, а
поняв что сотворила, разрыдалась прямо на берегу. Плакала
несколько дней и ночей.

Без мудрости Сола распри случались все чаще, стыч-
ки перерастали в кровавые расправы. Горе пришло в каж-
дую семью. Раз за разом сыновья, видя это, просили мать
вновь позвать Вена. Он возвращался, но неизменно вынуж-
ден был спешно уезжать, чтобы не стать причиной гибели
всего, что любила Сола. Периоды расставания становились
короче: полгода, двенадцать декад, затем шесть. Мир опаля-
ло присутствие бога. Природа не успевала восстановиться.
Жажда и голод, засуха и пожары несли смерть. Трупный за-
пах стоял над цветущими когда-то долинами. Никто не знал,

что делать.

*Тогда младший сын наведася к Соле,
и так говорил он: «Забудь свои беды,
больше слезам твоим незачем литься,
сердцу не нужно болеть от печали.
Выход я знаю, как горе исправить,
знаю, как слезы унять, ты послушай.
Глаз мой острее орлиного ока,
вижу я многое и замечаю.
Приметил я вот что: когда в небе тучи,
скачет меж них Вен в своей колеснице,
но тучи его закрывают сиянье,
свет его глаз не сжигает природу.
Лишь только уходит облако с неба,
и снова жара опалает посевы.
Чтобы защиту нашли мы от света,
тучи создать постоянные должно,
спрясть их из пыли и черного дыма,
пеплом связать и наполнить туманом».*

Соле понравилась идея младшего сына, и она пошла с ней к своему возлюбленному. «Что ж, – сказал ей Вен, – твой сын умен, это может сработать!» И тогда оживил Синеглазый семь цвергов, чтобы они помогли людям воздвигнуть семь невиданных доселе Башен и прорыть под ними колод-

цы неслыханной глубины. А сам собрался и быстро уехал. «Жди меня, скоро мы сможем быть вместе!» – крикнул он на прощание деде.

*Прошло три декады, и мудрые цверги
построили Башни, под ними – колодцы,
чтоб копоть и гарь из глубин поднималась,
Завесой закрыв многозвездное небо.
Когда Синеглазый к Соле вернулся,
жара не губила уже все живое.
План удался ее младшего сына,
и ныне влюбленные кружатся вместе.
Их танец прекрасен, три Оборота
За день совершают, прячутся ночью.
И лишь Наблюдатель тоскует о звездах,
Что больше не видно на небосводе.*

* * *

Мать замолчала. История закончилась, но повисла в воздухе тысячей вопросов. Осталось что-то недосказанное, однако очень важное и жутко интересное.

– Топазовое ожерелье Вена... Как представлю себе, должно быть, красота невероятная, – Мия мечтательно закатила глаза. – Что с ним стало?

– Никто не знает, – мать улыбнулась. – Во всяком случае

об этом не помнит ни одна из гуддарских сказок. Быть может, так и лежит где-нибудь на дне реки, ждет своего часа. Его искал сын Гудда, Акке Длинноволосый, обошел полмира, но ничего не добился. Об Акке ходит множество легенд, но их я расскажу вам в другой раз.

– Сын того самого Гудда?

– Да, того самого, родоначальника всех гуддаров, младшего сына Солы. Я рассказывала вам про него.

Эрик заерзал. Почему девчонкам всегда интересны только украшения? В маминой сказке было кое-что действительно таинственное. Не какое-то там ожерелье, пускай и топазовое. Пускай и подаренное самим богом.

– Что стало с цвергами? – задал мальчик крутившийся на языке вопрос.

– Говорят, они до сих пор живут где-то в глубинах Башен и следят за тем, чтобы те исправно работали, – ответила мать.

– Ух ты! – глаза Эрика загорелись. – Вот бы увидеть такого!

– А еще говорят, что они, мол, выдумка. Но мало ли, что говорят. Башни надежно хранят секреты. В мире множество разных сил, недоступных нашему пониманию. Ежедневно наблюдая действие одних, невозможно отрицать другие. Вы ведь помните, какие чудеса творят целлиты?

Дети переглянулись и кивнули. Время от времени семья ходила в целлу, где культисты проводили свои сакрифиции. По несколько часов прихожане стояли на коленях перед ал-

тарем и пели Гимны. Ноги Эрика затекали и начинали болеть, но он только крепче сжимал зубы, чтобы никто этого не видел. Наконец, к ним выходил облаченный в черную сутану толстый целлит Корнелиус, который и завершал ритуал, бормоча что-то на древнем языке. В этот момент кубок в его руке начинал тускло светиться, отбрасывая жуткие тени на сальное лицо. Эрик ахал то ли от страха, то ли от восхищения, не в силах оторвать взгляд и пошевелиться. Когда они наконец выходили из целлы, глаза матери были печальны, а отца – напряжены.

– Истории о цвергах среди нас, гуддаров, передаются из поколения в поколение, они – наше прошлое и настоящие, такие же как Вен или Сола. Взгляните, – мать подошла к окну. Там, на фоне заката, величественно вздымалась в небо огромная Башня, древняя, как само время. – Разве может гуддар или либер, альмаут или виджаец, кайанец или цтек построить подобное? И раз Башни до сих пор работают, раз пламя Вена до сих пор не убило нас, кто-то за ними да присматривает. Ни одна летопись не заглядывает так глубоко в пучины времени, где Башен еще не было, это вы можете спросить у мастера Фроуда, уж он-то точно знает. Только сказки помнят о тех далеких временах. Одну из них вы сегодня услышали. За *чашей*, в Вольных гуддарских княжествах, цвергам возносят хвалу, но здесь, в Семиградье, это приходится делать тихо, за закрытыми дверями и с закрытыми ставнями. Целлиты и ораторы не признают любое ина-

комыслие, боятся его, как заразу. Вы достаточно взрослые и вам пора знать: не все, что говорится в цѣллах, единственно верно. Помните об этом, но будьте осторожны и не говорите вслух.

Она замолчала, поцеловала сначала Мию, затем Эрика, пожелала спокойной ночи и вышла.

Мальчик лежал на кровати и представлял себе цвергов, которые строят огромные Башни. Как Башни постепенно поднимаются в небо, становясь все больше и больше, как начинают чихать клубами черного дыма, скрывая волшебные звезды Наблюдателя.

– Мия, – не выдержал Эрик. – Спишь?

– Чего тебе? – нехотя отозвалась сестра.

– Как думаешь, до того, как появились Башни, ночью было светло?

– С чего бы?

– Ну, помнишь: «Бусины света... мир освещали...» Как-то так, кажется...

– Может, и освещали, а может, враки все это и нет никаких звезд.

– Мастер Фроуд говорит, что есть.

– Ну у него и спрашивай. Я-то почему знаю?

Мальчик замолчал. Когда он наконец уснул, его рука держала под подушкой камушки, подобранные днем на городской площади.

Эрик проснулся посреди ночи. Где-то внизу устало проскрипела входная дверь, послышались приглушенные шаги. Мальчик тихонько встал, вышел из комнаты и на цыпочках прокрался к лестнице на первый этаж. Снизу доносились звуки беседы, и Эрик весь превратился в слух. Не очень-то хорошо подслушивать, но если никто не узнает, то и ругаться не станет.

– Как ты? – голос матери звучал взволнованно.

– Лучше, чем могло бы быть, – устало ответил отец.

– Что слышно из-за *чаши*?

– Нет никакой определенности, одни только слухи. Говорят, кто-то общался с купцом. Тот сказал, что на дороге в Бьёрнстад встретил парня, который кичился, что он-де из крига князя Ларса. И что, мол, князь этот собирает вассалов на военный совет... Другой купец шепнул на ухо балбесу Хьюго, мол, что-то затевают в Фоксстаде. На это наш Хьюго, как он сам рассказывает, «загадочно улыбнулся», но подробностей не расспросил. Поэтому, что именно затевают, мы не знаем. Так-то вот... Говорят еще, что князя скупают оружие, да это не ново...

На этом отец замолчал, а Эрик сильнее вжался в стену. Мгновения тишины показались ему бесконечно долгими. Сердце бухало в ушах, и мальчик уже подумал, что ему пора

вернуться в комнату, когда разговор продолжился:

– В общем, ничего мы не знаем. Слухи слухами погоняют... Письмо князя Сйгурда наделало шума. Парни Айварса точат ножи. Горячие головы. Навлекут беду, помяни мое слово.

– Остановить их сейчас будет еще сложнее, чем прежде. Лишь бы кровь не вскипела раньше времени...

– Кипит, кипит кровь. Айварс кулаком в грудь бьет, предлагает захватить целлы и Префектуру, как будто это что-то изменит. И успокоится, похоже, только когда его вздернут над городскими воротами.

– Эрик сегодня говорил про деканов. Думаешь, либеры что-то подозревают?

– Дóминус стар, да хитер. Уж если мы что-то слышим, то либеры и подавно. Под стенами города разбили лагерь Псы Крови, сама знаешь, лучше бы их тут не было. Дело легко дойдет до кровопролития, раз уж их деканы разъезжают по городу. Айварс мнит себя воином, но он, завесова пьянь, всего лишь углежог!

– И что теперь?

– Не знаю. Я ужасно устал, нужно вздремнуть. Сегодня было много пустых разговоров. Хочу встретиться со стариком Фрудом, вот уж кто всегда даст дельный совет... Ах, да. Я опять спрашивал про Эрика. Пристроить бы мальчика, нехорошо, что шатается без дела. Но скряга Клétус стоит на своем, не хочет брать еще одного подмастерья...

Эрик переступил с ноги на ногу. Скрипнула половица. Отец замолчал, а в наступившей тишине мальчик отчетливо слышал свое дыхание. Зажмурился, пытаясь не издавать ни звука, но, судя по всему, простая уловка не помогла. Быстрые шаги послышались на лестнице, большая рука больно сжала плечо.

– Та-а-ак, – протянул отец. И это его «так» не предвещало ничего хорошего.

– Я... – промямлил Эрик.

– Определенно, это ты. Сейчас мы тихо спустимся вниз, чтобы не разбудить твою сестру, а потом расскажешь, что слышал и почему подслушивал.

Пришлось подчиниться. Щеки Эрика горели. Когда они спустились, его взгляд встретился с глазами матери. В них читалась усталость и напряжение. Отец усадил мальчика на скамью.

– Итак, ты подслушивал. Как считаешь, хорошо ли подслушивать то, что не предназначено для твоих ушей?

– Думаю, что плохо...

– Он думает, что плохо. Это очень плохо, Эрик. Если стал невольным свидетелем чужого разговора, сообщи о своем присутствии. Это не сложно. Почему ты этого не сделал?

– Мне... было интересно...

– Интерес – это хорошо, но уважение важнее. Подслушивая, ты проявляешь неуважение к нам.

– Извините меня, – попробовал исправить ситуацию

Эрик, но отец пропустил слова мимо ушей.

– Теперь дальше. Что ты слышал?

– Про города за *чашей*, про князей и оружие, про каких-то псов, – начал перечислять Эрик. – И про дядю Айварса тоже... слышал.

– Отлично, теперь он будет на каждом углу рассказывать байки, в которых ничего не смыслит! – отец в бессилии развел руками. – И еще один вопрос. Часто ты подслушиваешь?

– Иногда, – признался мальчик. Врать при матери было бы бесполезно, она видела его насквозь.

– Завеса тебя дерит, Эрик! – выругался отец.

– Гёрхард, успокойся, – вступилась мать. – Своей руганью ты ничего не изменишь. Может быть, детям пора знать больше? Неизвестно, что будет дальше. Мы не сможем вечно держать их глаза закрытыми. Как не сможем оградить от всего зла, которое их окружает.

Отец прорычал что-то неразборчивое, буркнул, что идет спать, и вышел. Эрику было стыдно и обидно одновременно.

– Прости меня, мама, – в глазах мальчика застыли слезы.

– Обещай, что никогда больше не станешь подслушивать.

– Никогда, – шмыгнув носом Эрик.

– Отец успокоится, но дай ему время. И дай время себе подумать о том, что можно делать, а что нельзя. Договорились?

Она улыбнулась, а Эрик потупился и вытер лицо рукой, стараясь скрыть предательские слезы.

Наутро отец был молчалив. Эрик пытался поймать его взгляд, но тот смотрел куда-то в сторону, а на вопросы домашних отвечал односложно. Наконец ушел. Обстановка стала чуть менее напряженной, дети помогли прибраться на кухне.

– Эрик, останешься дома? – спросила мать, собираясь с Мией на рынок.

– Нет, я гулять. Если ты не против.

Было неудобно признаваться в собственных желаниях, чувствуя себя виноватым. Мать улыбнулась, похлопала по плечу и сказала:

– Конечно, только возвращайся непоздно.

Мальчик не стал ждать, пока мать передумает, и через заднюю дверь выскочил на улицу. Здесь, во дворах, у него было свое место. Скрытое от посторонних глаз кустами, оно множество раз давало ему приют и возможность побыть наедине с самим собой. Он юркнул между веток и оказался на небольшой полянке, со всех сторон окруженной зеленой изгородью. Утоптанная трава пестрила сухими глинистыми проплешинами. Между корней лежал короткий игрушечный меч. Рядом, из земли, наподобие заборчика торчали деревянные палочки. За заборчиком из таких же палочек был собран шалаш, настолько маленький, что в него едва бы во-

шла даже мышь. Все вместе составляло подобие замка, точь-в-точь как в книгах мастера Фроуда. Кое-где в беспорядке были разбросаны небольшие камни. Эрик представлял себе, что это жители его поселения.

На строительство замка у него ушло несколько дней, и он был очень доволен результатом. В прошлый раз получилось гораздо хуже. Сейчас палочки, составлявшие заборчик, плотно прилегали друг к другу, а заточенные сверху концы обеспечивали надежную защиту жителям замка.

Через ветви кустов пробивались разноцветные лучи Вена и Сола. Все утро Эрик думал о маминой сказке. Сходить к Башне хотелось до невозможности. Прикоснуться рукой к холодному камню и представить себя в те времена, когда звезды еще освещали небо. А вдруг там и правда все еще живет цверг? Все действующие лица – вот они, рядом. Сказка была о прошлом, но и о настоящем. Однако, чтобы пройти к Башне, нужно преодолеть большое расстояние, углубиться в богатые либерские районы. Опасно, родители никогда бы этого не одобрили. Он и без того достаточно провинился.

Эрик тряхнул головой, отгоняя ненужные мысли, лег и закрыл глаза. Сама собой Башня возникла перед внутренним взором. Мальчик попытался отвлечься и подумать о чем-то другом. В голове всплыла книга, которую он видел у мастера Фроуда. Как же звали автора? Кажется, Гияс. Вот уж кто точно ничего не боялся. Дошел до самого края мира, а может быть, даже дальше. Интересно, как это, плыть на кораб-

ле в неизвестность? Эрик попытался представить море. Вода со всех сторон, смертельно опасные штормы, о которых рассказывала мать. Что бы сделал Гияс на его месте? Разве испугался бы опасности?

Эрик открыл глаза, глянул на игрушечный замок, нащупал теплые камушки в кармане, встал и пошел прочь.

* * *

Поначалу мальчик двигался не спеша, но через некоторое время ускорился и наконец побежал, как заяц, виляя между прохожих. Гладкие камни мостовой под ногами, недовольные окрики слева и справа, громада Башни впереди. Напряжение, которое копилось с ночи, улетучивалось, а настроение становилось все лучше.

Когда улочки начали подниматься вверх, к подножию Башни, Эрик все-таки замедлился. В этой части города жили самые состоятельные либеры, и тут надо было держать ухо востро. Мальчишка-гуддар привлекал слишком много внимания у стражников-кустодиев. Здесь могли поймать, а поймав, создать проблемы и ему, и его родителям. Этого только не хватало, учитывая ночную оплошность.

Старательно делая вид, что выполняет какое-то важное поручение, Эрик забирался все глубже в кварталы либерской знати. Смотрели на него косо, но не останавливали – одет мальчик все-таки был прилично, не как какой-нибудь попр-

шайка. В конце концов, мало ли с каким делом его мог отправить кто-то из взрослых? Для себя Эрик решил, что если останоят, то будет утверждать, что идет в дом эра Клетуса, владельца кузницы, в которой работал отец. Мальчик понятия не имел, где живет эр Клетус, но заключил, что это и не важно.

Дорогу Эрик не знал, но как промахнуться, если вот она, Башня, все время впереди? Как-то он ходил к ней с отцом. Не сказать, чтобы зрелище его вдохновило: каждый день Башня была видна из окна. Но в тот раз он и думать не думал, кто и как ее воздвиг. Просто еще одна часть города – та, куда гуддарам лучше без нужды не ходить. Теперь же впереди ждало нечто таинственное, неизведенное. Настоящая тайна.

– Эй, малой, куда это ты? – окликнул его охранник-ликтор около одного из домов, выгладевших особенно богато. Наверное, здесь жил купец или какой-нибудь городской префэкт.

– Эм, – начал Эрик, вспоминая заготовленную фразу. – Я ищу дом эра Клетуса, у меня к нему дело.

– Клетуса? – ликтор почесал затылок. – По этой улице до самой Башни такого нет, это точно. Уверен, что идешь правильной дорогой?

– Ну-у-у... – протянул Эрик, поджав губы и пытаясь выглядеть озадаченным. – Если честно, нет...

– Вот что, поворачивай-ка назад, пока не встретил кого-нибудь построже меня.

– Д-да, конечно.

Эрик удрученно взглянул на Башню, до подножия которой было рукой подать, и пошел в обратном направлении. Задача оказалась не такой простой, как думалось поначалу.

* * *

Когда ликтор скрылся из виду, Эрик шмыгнул в проулок между домами в попытке выйти на другую улицу. Проулок был достаточно темный, но ухоженный. Стены домов поросли плющом, тут и там стояли вазоны с цветами. Чуть поодаль на корточках сидел мальчишка. Он был явно чем-то занят и не замечал ничего вокруг. На мгновение Эрик задумался, не стоит ли развернуться и сделать круг побольше. Машинально сунул руку в карман и нащупал вчерашние камушки. Они придали уверенности. Отбросив сомнения, Эрик двинулся вперед. В конце концов, что мог ему сделать ребенок?

– Эй, постой-ка! – окликнул мальчишка, когда Эрик уже проходил мимо. – Помоги мне.

Эрик остановился. Сказано требовательно, но миролюбиво. Наверное, это сын какого-то местного эра. Отец учил Эрика держаться от либеров подальше, следовало быть осторожным.

– Мой кот. Смотри. Залез к соседям, и его покусала собака.

Перед либером, действительно, распласталось окровав-

ленное животное. Задняя лапа изодрана, кровь запеклась на шерсти.

– Надо отнести домой, но он в таком состоянии, что придется держать двумя руками. А по дороге будут калитки, двери... Поможешь?

Конечно, Эрик торопился. Конечно, все мысли были только о Башне. Конечно, его учили обходить либеров стороной. Но вид страдающего животного не оставлял равнодушным. Как можно пройти мимо и сделать вид, что тебя это не касается?

– Да, хорошо, – быстро ответил он. – Что нужно делать?

– Просто проводи меня. Будешь моими руками, пока я понесу Клёо.

– Договорились. Похоже, ему сильно досталось.

– Да... Повезло, что я его нашел.

Либер снял с себя белоснежную рубаху – такая, пожалуй, стоила огромных денег – и аккуратно укутал в нее кота. Тот зло рычал, но скорее от боли, чем в попытке сопротивляться.

– Пойдем, тут недалеко.

Мальчишка повел Эрика между домов. Шли медленно, с осторожностью, чтобы не навредить животному. Пару раз встретились калитки, одна из них оказалась заперта. Эрику пришлось перелезть и, следуя указаниям, открыть ее с внутренней стороны.

– Похоже, ты все здесь знаешь, – проговорил Эрик, когда они преодолели очередное препятствие.

– Моя семья давно живет в Патере, – ответил спутник. – Захочешь развлечься, найдешь и не такие лазейки. На самом деле ходим кругами, напрямик в два раза быстрее, но нам надо зайти с черного хода, чтобы никто не увидел.

– Дома не знают, что ты ушел?

– В яблочко, – мальчишка усмехнулся. – А ты? Давно в Патере?

– С рождения, но в этих местах впервые, – сказал Эрик и прикусил губу. Не стоило говорить слишком много, чтобы не навлекать подозрений.

– И как тебя зовут? Меня – Луций Пинарий.

– Эрик... Эрик, сын Герхарда.

– Рад знакомству, сын Герхарда, – очень даже серьезно кивнул Луций. – Мой отец... а в прочем это не важно, мы почти пришли.

Дети стояли около очередной калитки, за которой раскинулся ухоженный сад.

– Похоже, слуг не видно, – прошептал Луций, оглядываясь. – Полезай через забор и открывай.

Эрик послушался. Железные прутья были теплыми и гладкими. Наверху рубаха за что-то зацепилась. Мальчик неловко дернулся, услышал звук рвущейся ткани и сжал зубы, представив лицо матери, когда та увидит, во что превратилась одежда. В любом случае отступать поздно. Он освободил рубаху и быстро спустился с другой стороны.

– Так, смотри, – скомандовал Луций через прутья забо-

ра. – Вон там, за кустом, керамическая миска, в ней запасной ключ от калитки. Слуги не знают, что я его нашел, – мальчишка криво усмехнулся. – Впрочем, толку от этого ключа обычно немного... Если хочу уйти, ключ надо оставить на месте, а когда прихожу, чтобы добраться до него, нужно все равно перелезть через забор. А с этим у меня проблем, как правило, нет.

Луций смотрел на порванную рубаху Эрика, и тот не мог понять, смеются над ним или нет. На всякий случай Эрик буркнул:

– У всех бывают плохие дни.

– Ты прав, – согласился Луций. – И сегодня у меня один из них. Ладно, давай не будем затягивать, иди за ключом и открой уже эту калитку, пока сюда кто-нибудь не пришел.

Эрик нашел ключ и открыл Луцию калитку. Та скрипнула, но не очень громко.

– Что теперь? – спросил Эрик.

– Теперь мы найдем старика Веньяна. Он садовник, но мне кажется, что отец держит его не за это...

Луций кивнул Эрику, чтобы тот следовал за ним, и уверенно двинулся через сад, прячась за кустами.

– Как-то раз к нам прискакал гонец из Кадүцея. Он оказался ранен. Рука была перемотана какой-то тряпкой, но кровь не останавливалась. Отец крикнул Веньяна, и я еще подумал, с чего бы это. Почему не отправить за целлитом? Тем более до целлы пара кварталов. И знаешь что? Наш са-

довник оказался отличным знахарем! Поэтому сначала мы найдем его. Обычно он у себя в каморке. Там отдельный выход в сад. Как раз кстати. Сейчас только не хватало оханий и расспросов.

При этих словах кот в руках Луция зарычал и жалобно мяукнул, словно бы соглашаясь.

Озираясь, они прошли вдоль аллеи из странного вида растений, добрались до стены дома и крадучись двинулись вдоль нее. Внезапно Луций остановился и шикнул на Эрика:

– Тихо, кто-то идет. Прячемся за тем кустом.

Дети скрылись за раскидистыми ветками. Раздались голоса. Луций посмотрел на Эрика, беззвучно призывая к молчанию. Эрик, который и так боялся дышать, вжался в куст и задержал дыхание.

– Правда или нет, но надо обратить на это внимание, – сообщил один из голосов. Он принадлежал мужчине, был глубоким и твердым. – Город гудит, словно кто-то засунул палку в осиное гнездо. Доминус нагнал деканов, будто мы на осадном положении. Каждое утро требует от меня подробный отчет. Мне теперь шагу нельзя ступить, чтобы за мной не следовал оратор Сёрвий, этот высокомерный выскочка, впрочем, как и все они. Даже здесь я не уверен, что наш разговор удастся сохранить в тайне. В моем собственном доме!

– Нужно быть осторожными, нельзя давать им поводов, – отвечал второй голос, тихий и размеренный. – Культы сильны, как и прежде, им доступны силы, о которых мы не можем

даже мечтать. И все же надежда есть. Ничто не вечно в этом мире, множество империй рухнуло под гнетом довольства и ложной самоуверенности.

– Оставим это пустословие. Веньян уверяет меня, что все договоренности в силе. Так ли это? Ты встречался с ними?

– Да, нам подтвердили, что окажут поддержку.

– Знать бы еще, насколько можно доверять обещаниям в это непростое время.

– Разве есть выбор?

– Всегда можно остановиться и отказаться от задуманного...

Разговаривавшие удалились, и их голоса уже невозможно было разобрать. Эрик продолжал сидеть в напряжении. Он опять подслушивал, хотя обещал этого не делать.

– О чем это они? – спросил он наконец.

– Вот я и сам думаю, – ответил Луций, но комментировать не стал. – Пойдем, сейчас у нас есть дело, которое надо закончить прежде всего.

* * *

Они двинулись дальше. Шли по траве, прячась за кустами. Клео вел себя тихо. По-видимому, руки хозяина успокаивали кота, хотя было видно, что он дрожит. Эрик представлял себя отважным героем, пробирающимся в стан врага с важной миссией, которую дал ему благородный князь или даже

сам Гудд.

Вход в каморку садовника был в угловой части дома. По узким ступенькам дети спустились вниз, открыли скрипящую дверь и прошли по темному коридору, освещенному тусклым светом единственной свечи. За хлипкой дверью им открылось небольшое помещение, обставленное просто, но чисто убранное. Вдоль стен стояли многочисленный шкафчики. На полках – книги, какие-то склянки с мутной жидкостью, причудливого вида инструменты, о назначении которых Эрик мог только гадать. В дальнем углу на кушетке в странной позе, показавшейся мальчику жутко неудобной, сидел пожилой мужчина. Его глаза были закрыты, длинные волосы зачесаны наверх и собраны в хвост. Просторная одежда с длинными широкими рукавами напомнила Эрику одеяния купцов, торговавших тканями и приходивших в Семиградье из-за *жезла*.

– Дагэ Веньян, нам нужна твоя помощь, – вместо приветствия сказал Луций.

– Маленький господин, рад вас видеть, – поклонился ему кайанец, открыв глаза. – Вас и вашего друга.

– Это Эрик, сын Герхарда, – представил Эрика Луций.

Кайанец посмотрел на мальчика, но быстро перевел взгляд на Луция, в руках которого затравленно мяукнул кот.

– Что с ним?

– Покусала собака. Когда я его нашел, Клео лежал в луже крови и почти не шевелился.

Садовник резко поднялся. Веньян был стар и сутул, но двигался уверенно. Он расчистил стол и зажег несколько свечей.

– Сюда, только осторожно, – указал он Луцию на освободившееся место. – Нужно сбегать за водой...

Садовник собрался выйти из комнаты, но Луций остановил его:

– Не отвлекайтесь, дагэ, я схожу.

Луций осторожно положил кота на стол и выскочил из комнаты. Эрик остался наедине с кайанцем. Тот, покашливая, начал осматривать Клео. Рубашка, в которую был завернут кот, краснела от крови. Он напряженно зарычал и жалобно замыкал, хотя почти всю дорогу вел себя тихо. Эрик украдкой взглянул на его лапу. Она выглядела ужасно. Кое-где кровь запеклась, во все стороны торчали клоки шерсти, рана пульсировала и явно доставляла страдания. Эрика передернуло, но не от отвращения, а, скорее, из-за испуга.

Веньян прекратил осмотр и начал ходить по комнате между стоявших вдоль стен шкафчиков, открывая то один, то другой и бормоча под нос что-то невнятное.

– Так, Эрик, сын Герхарда, подсоби-ка мне. Пока я готовлю лекарства, нужно успокоить кота, раны страшны и будет лучше, если он уснет. Эти травы помогут. Подержи их перед носом Клео какое-то время, только не нюхай сам, а то заболит голова. Будет хорошим знаком, если он начнет их жевать.

Эрик взял пучок трав и на вытянутой руке подsunул ко-

ту. Тот недоверчиво взглянул на мальчика, затем на травы и несколько раз широко надул ноздри, принюхиваясь.

– Вы ведь не здесь его нашли, не в саду? – спросил Веньян, продолжая рыться в шкафах. – Откуда ты, сын Герхарда? Я раньше тебя не видел. Не думаю, что стал настолько стар, чтобы не запомнить маленького гуддара...

Эрик не был уверен в том, как ему стоит отвечать, и поэтому сначала протянул длинное «эм-м-м», затем выдавил из себя многозначительное «кхм-м» и закончил монолог неопределенным «ну-у-у».

– Что ж, – улыбнулся Веньян, не дождавшись ничего другого. – По крайней мере, ты не глуп. Лучше не болтать, если не знаешь, что сказать. Как говорят у меня на родине, слова должны быть верными, а действия решительными. Так, что тут у нас?

Послышался звон стекла. Веньян одну за другой доставал из шкафа маленькие бутылочки и придирчиво их оглядывал. Некоторые тряс, другие смотрел на свет. Иногда приговаривал что-то вроде «эта, пожалуй, пойдет», и бутылочка отправлялась на край стола. Очень скоро там оказалось множество склянок различных форм и размеров, на которые Эрик смотрел с недоумением и каким-то зачарованным благоговением.

Вернулся Луций, неся чайник с кипяченой водой. Он выглядел уставшим, но сосредоточенным.

– Замечательно, – проговорил Веньян. – Хорошо, что это

кипяченая вода.

– Я вспомнил ваши слова о том, что рану нельзя промывать водой из колодца.

– Да, кажется, я говорил такое. И это действительно так. Если не вскипятить воду, может стать только хуже. Рана загниет и воспалится, а это нам не нужно. Я почти готов, если Клео уснул, нужно промыть рану.

Эрик взглянул на кота. Тот явно успокоился и пытался дотянуться до трав. Мальчик передвинул руку, чтобы коту было удобнее.

– Кушай давай, – сказал он.

Луций недоверчиво хмыкнул.

– Ваш друг делает все правильно, маленький господин, – заметив это, сказал старый кайанец. – Травы успокоят боль и дадут Клео уснуть. То, что ему сейчас нужно. Сон стимулирует в организме циркуляцию энергии, отвечающей за здоровье. Для больного, в большинстве случаев, он одно из самых чудодейственных лекарств.

– Дагэ Веньян, откуда вы все это знаете? – спросил Луций, который внимательно наблюдал за действиями старика, продолжавшего перебирать склянки.

– Я не всегда был садовником, – улыбнулся тот. – Уход за растениями – лишь одно из моих увлечений. Если хотите, это всего лишь хобби, которое позволяет расслабить ум и дать телу необходимую в моем возрасте нагрузку. Много лет назад я служил чиновником при императорском дворце, в

самом Лончәне, городе дракона. Там я и научился большому из того, что знаю сейчас. В Семиградье больные обращаются к целлитам, а те черпают силы совсем из других источников, чем знахари из-за *жезла*. Служители Культов прибегают к сакрифициям, чтобы переместить энергию из одного живого сосуда в другой: от здорового к больному, от прихожан к целлитам, от целлитов к доминусам. И этой энергией они творят поистине невероятные чудеса. Но всегда одно происходит за счет другого. Им нужно поклонение и вера. Целлит без своей паствы – ничто, как и доминус без Культа. За *жезлом* же, шаманы нань-у обращаются к силам самой природы, к огню и воде, к дереву, металлу и земле. Эти пять основных начал присутствуют везде, из них состоит все и в них все обращается. Через их взаимодействие возникает жизнь, и они же движут ею. Нань-у использует ту энергию, которая уже есть в каждой из вещей, будь то камень или цветок, лошадь или телега, человек или животное. Те, кто познают это, познают, как устроен мир.

Веньян замолчал, разглядывая кучу склянок, выставленных на стол. Кот лежал рядом, закрыв глаза. Грудь медленно поднималась и опускалась в такт дыханию.

– Теперь рану все-таки нужно промыть. Кипяченая вода – один из примеров взаимодействия стихий. Грязная вода может быть ядом, а неуправляемый огонь – причиной многих бед. Но в соединении этих двух начал вода перерождается и становится настоящим лекарством, хотя ее действие не все-

гда наглядно и очевидно.

Веньян кружкой зачерпнул воду и начал промывать рану. Клео лишь слегка повел ушами, глаза оставались закрыты. Красные струйки побежали со стола на пол, и старик велел расстелить полотенце.

– Сейчас нам снова понадобится огонь, но на этот раз мы соединим его с металлом. Рана большая, и ее необходимо прижечь. А для того, чтобы поддерживать огонь, нам понадобится что? Правильно, дерево. Таким образом мы соединим силу трех элементов. Если же посмотреть на этот процесс глубже, то для того, чтобы вырастить дерево, нужны земля и вода. Все пять стихий сойдутся сейчас для того, чтобы вылечить Клео. Впрочем, это же было справедливо и для кипяченой воды. Все в мире взаимосвязанно.

Старый кайанец пошел к камину в углу комнаты. Там уже плясали языки пламени. Железными клещами он взял нож и поднес его к огню.

– Эрик, помоги-ка мне, – попросил старик.

Мальчик с готовностью подошел к камину.

– Держи. Нагревай нож и старайся не опалить рукоять. Мы с Луцием пока займемся приготовлением мази, которая поможет ране зажить.

Эрик взял клещи и подставил лезвие ножа пламени. Иногда мальчик помогал отцу в кузне. Там он надевал плотные рукавицы, чтобы не опалиться. В кузнечной печи металл нагревался докрасна, становился вязким и пластичным.

Для того, чтобы поддерживать температуру, там пользовались огромными мехами. Огонь в камине и близко не был так жарок. Глядя на искры пламени, мальчик задумался о словах кайанца. Почему-то вспомнил о камушках, которые нашел вчера на площади и которые до сих пор лежали в кармане.

– Мастер Веньян, – обратился он к старику. – А почему одни вещи не такие как другие?

– Что ты имеешь ввиду? – оторвался тот от миски, в которой тщательно перемешивал содержимое нескольких склянок.

– Ну вот... некоторые вещи, они... Я не знаю... Почему-то они другие. Такие же вроде бы, но другие совсем. Никто этого не понимает, и я сам не знаю, как объяснить. Эти камушки, например...

Эрик продемонстрировал содержимое своего кармана.

– Вот. Я нашел их на площади, там таких пруд пруди, но эти... другие. Они... Я не знаю...

Веньян внимательно посмотрел сначала на камушки, потом на Эрика.

– Ваш друг все больше удивляет меня, молодой господин, – сказал он. – Так как вы, говорите, познакомились?

Луций закусил губу.

– Хорошо, оставим это, – сказал Веньян, когда понял, что ответа не последует. – Что же касается твоего вопроса, сын Герхарда, то на него можно ответить так: в некоторых вещах энергии больше, чем в других. Как правило, само собой

это не происходит – случилось что-то, что наполнило камни энергией.

– Что же? – заинтересовался Луций.

– Возможно, это была работа со стихиями, такая же, какой мы занимаемся сейчас. Или перенос энергии от одного источника к другому. А может, излишек энергии в камнях говорит о чем-то еще. Сложно сказать. Интересно другое. Ваш друг... Так-так, нам пора вернуться к делу, пока мазь готова, а Эрик не сжег рукоятку ножа.

– Ой, – Эрик отдернул клещи от огня. Рукоятка зажатого в них ножа и правда слегка почернела.

Веньян забрал у Эрика нож и скомандовал:

– Теперь Клео почти наверняка проснется. То, что мы будем делать, болезненно, но необходимо. Крепко держите его и ни в коем случае не отпускайте.

Луций осторожно взялся за задние лапы. Эрику достались передние. Старик прижал боковую поверхность ножа к задней лапе Клео. Тот громко мяукнул, дернулся и зашипел. Эрик удержал передние лапы, хоть кот и начал вырываться что есть силы. Поняв, что его не отпускают, тот вцепился зубами в руку мальчика. Эрик вскрикнул от неожиданности и боли, но кот не собирался разжимать челюсти.

– Больно! – заверещал мальчик. – Отпусти!

– Тихо-тихо, все хорошо, – приговаривал Веньян, успокаивая то ли кота, то ли Эрика.

Наконец старик убрал нож, и хватка Клео ослабла. Эрик

почувствовал, что животное дрожит. Кот жалобно застонал, а Луций протяжно выдохнул.

– Самое тяжелое позади, – проговорил Веньян. – Сейчас Клео немного успокоится и снова заснет, а мы продолжим.

Кайанец слегка передвинул пучок трав ближе к морде, и кот медленно, но широко раздул ноздри.

– Кайанские мудрецы нань-у считают, что раны нарушают течение энергии в организме. Энергия циркулирует внутри каждого, словно вода, которая течет по руслам рек. Если перекрыть русло, энергия начинает застаиваться, портиться, загнивать. Она образует нарывы, воспаления, становится причиной болезней. Прижечь рану – словно расчистить засор на реке и дать потоку энергии возможность двигаться так, как задумано природой. Мы сделали самое главное, но поможем Клео еще немного.

С этими словами Веньян начал осторожно наносить мазь, которую он приготовил, на лапу вновь задремавшего кота. Мазь была густой и сильно пахла. От запаха у Эрика слегка закружилась голова.

– В этой субстанции стихии соединены так же, как в живом организме, она поможет заживлению и выздоровлению, – сказал старик. – Думаю, очень скоро Клео оклемается и будет бегать, как и прежде. Впрочем, и это не все, что мы можем для него сделать.

Веньян отошел от стола к одному из шкафов и достал из него деревянную, украшенную изысканной резьбой, шкатулку.

ку.

– Поскольку потоки энергии в организме Клео были нарушены, – продолжил кайанец, – кроме большого засора, в нем образовалось множество маленьких. Со временем они расчистятся сами, но мы можем ускорить этот процесс.

Веньян открыл шкатулку, продемонстрировав мальчикам содержимое. На дне лежали иглы очень похожие на те, которыми мать Эрика штопала одежду. Старик достал несколько из них.

– Это древнее искусство, известное только в Кайане. С помощью этих игл нань-у нормализуют в организме энергетические потоки. Но нужно хорошо понимать, куда и как прикладывать усилия.

Старик поднес одну из игл к спине Клео. Пальцы держали металл уверенно и твердо, так, как старый стражник держит оружие, кузнец – молот, а целлит – чашу. Плавным, точным и медленным движением Веньян воткнул иглу. Кот не пошевелился.

– Если все делать правильно, процедура безболезненна, – прокомментировал Веньян, втыкая еще одну.

Как-то Эрик видел игру менестреля. Его пальцы порхали над инструментом, меняя положение без всяких видимых усилий. Мальчик попробовал повторить движения и почувствовал невероятное сопротивление. Нужны были годы тренировок, чтобы добиться такой легкости. Руки старика двигались очень легко, словно руки менестреля.

Воткнув еще дюжину игл, старик остановился и удовлетворенно закивал.

– Вот и все, – проговорил он.

Эрик перевел взгляд, который до того не мог оторвать от рук садовника, на Луция. Либер подпер подбородок рукой и смотрел на иглы.

– Дагэ Веньян, я хотел бы у вас поучиться, – сказал он.

Старик улыбнулся.

– Желание похвальное, маленький господин. Однако нам, как минимум, понадобится согласие вашего отца. А также множество лет тренировок и практики. Что-то подсказывает мне, что у вашего родителя другие планы.

Луций вздохнул.

– Так или иначе, спасибо за помощь и объяснения, – поблагодарил он. – Было невероятно поучительно и интересно.

– Помочь хорошему делу – задача любого доброго мужа. Без разрешения вашего отца я не возьмусь вас учить, но моя комната всегда открыта для интересной беседы и компании. Главное сейчас не увлечься разговорами и не забыть про Клео.

Руки Веньяна медленно проплыли над котом, собирая иглы.

– Пускай он немного поспит у меня. Лишние движения ему сейчас не показаны. А мы пока можем отдохнуть и выпить по чашечке чая.

Через половину Оборота дети вновь оказались на улице. Все это время старый кайанец развлекал их необыкновенными историями, подливая душистый напиток в широкие чаши. Луций сбегал на кухню и принес горячие пшеничные лепешки. Эрик расслабился и позабыл о том, как и зачем здесь оказался. Но время шло, садовник сослался на занятость, и мальчишки, раскланявшись, покинули его комнатушку, оставив измученного кота отсыпаться. Когда они были на пороге, Веньян бросил мимоходом: «Буду рад видеть вас обоих в другой день». Улыбнулся и похлопал детей по плечу.

– А ведь я так и не спросил, что ты здесь делаешь, – заметил Луций, когда они пробрались обратной дорогой через сад и перелезли через забор.

– Ну-у-у... Это длинная история, – неуверенно ответил Эрик. Он так и не решил, доверяет ли мальчику-либеру.

– Кажется, что сегодня я совершенно свободен, поэтому время у нас есть.

Эрик помялся. В целом он испытывал к Луцию симпатию. В отличие от большинства либеров тот не вел себя надменно, скорее сосредоточенно. В этой сосредоточенности было что-то от подражания взрослым. Но не только. Эрик чувствовал в Луции какую-то внутреннюю силу, которая отличала маль-

чишку от большинства знакомых ему детей из бедных районов.

– М-м-м... – протянул Эрик. – Я хотел дойти до Башни.

– До Башни? – поднял брови Луций.

– Да, когда-то я был там с отцом, но... – Эрик осекся.

Мать учила никому не рассказывать те сказки, которые они от нее слышали. Впрочем, Эрику обычно и не хотелось. Семейная традиция оставляла место тайне. Зная то, что не знают другие, мальчик чувствовал себя особенным.

– В общем, мне стало интересно взглянуть на Башню снова, – закончил он.

– Составить тебе компанию?

– Хм, да, – улыбнулся Эрик.

Боевой настрой несколько улетучился, и он обрадовался, что не придется идти одному.

– Знаешь дорогу? – спросил либер.

– Ну, я ориентировался по направлению. Башня-то – вот она, – Эрик махнул рукой над домами.

Луций улыбнулся.

– Она-то, конечно, вот. Но некоторые места лучше обойти. Здесь живут богатые семейства, префекты, ораторы. Около некоторых домов вечно толкуются ликторы. Если выбрать не тот путь, нас с тобой развернут куда подальше.

– Знакомая история.

– Уже разворачивали?

Эрик кивнул.

– Ну вот, об этом и говорю. Конечно, одинокий гуддар вызывает больше подозрений. Но и вдвоем мы сможем проскочить не везде. Ладно, раз дорогу знаю я, то мне и вести. Пойдем.

Они зашагали по узким переулкам. Иногда стена дома с одной или другой стороны сменялась высоким забором, пару раз они проскакивали через широкие улицы. Эрик пытался запомнить дорогу, но очень скоро запутался. Увидев его замешательство, Луций спросил:

– Уверен, что найдешь обратный путь? Если ты шел, ориентируясь на Башню, не поддался ли соблазну не запоминать приметы? До своего дома я тебя доведу, но ты знаешь, куда идти дальше?

Эрик задумался и через некоторое время поджал губы от досады.

– Кажется, что дорогу я не запомнил.

– И часто ты вот так, не запоминая дороги, гуляешь по городу?

– Обычно я гуляю по знакомым районам...

– Ладно, не переживай, – кажется, Луций заметил смятение Эрика. – Ты ведь примерно знаешь где живешь, наверняка там есть какие-то ориентиры, целлы, парки? Ну хоть что-то? Какое-то место, откуда ты точно дойдешь до дома.

– Да, конечно. Городской рынок. Точно. Я всегда могу спросить кого-нибудь, как мне пройти к городскому рынку!

Эрик улыбнулся. Луций заметил его улыбку и улыбнулся

в ответ.

– Ну тогда и переживать не о чем, – сказал он. – Я отправлю с тобой слугу и дело в шляпе. Проведет кратчайшим путем.

Вопрос был исчерпан, и некоторое время они шли молча. Под ногами приятно стучали камни мостовой. Над самой головой светила Сола, где-то справа от Вена, на Втором Обороте. День достиг середины, цель была близка и у них оставалась масса времени, чтобы реализовать все сегодняшние планы. Полтора Оборота – это огромная куча времени, за которое можно провернуть любую затею.

Глава 2. Семейные тайны

Отвесные стены Башни Чаши уходили влево и вправо на сотни метров. На расстоянии она казалась огромной, но у самого подножия слово «огромный» становилось каким-то маленьким и незначительным. Здесь Башня занимала собой половину мироздания. С одной стороны – знакомый город, с его домами и кварталами, стражниками и мастеровыми, купцами и префектами, с другой – бесконечная каменная поверхность, не имеющая конца и края. Она заменяла собой все, делила пространство пополам и была границей между знакомым миром, в котором можно было ходить, бегать, махать руками и заниматься прочей повседневной ерундой, и миром камня, могучего и неподвижного, остановившего само время.

Эрик положил руку, все еще немного болевшую после укуса кота, на черную поверхность стены – связующее звено между прошлым и настоящим. Она видела древних богов и героев, падение и рождение империй, тысячи поколений и маленьких Эриков, которые также, открыв рот, стояли напротив, прислушиваясь к биению собственного сердца, приглушенным шумам за спиной и абсолютной тишине впереди. Эрик желал услышать или почувствовать ладонью хоть что-то, но Башня молчала. Где-то там, в ее глубинах, скрывалась загадка, тайна, ради которой он был здесь. Где-то там жил

цверг, создание могучего бога Вена, светившего сейчас ему в спину.

Мальчик прижался ухом к стене, закрыл глаза и весь обратился в слух: рядом дышал Луций, шуршал одеждой, скрипел камнями; сверху и сбоку доносились взмахи крыльев пролетающей мимо птицы; издалека раздался скрип петель и стук закрывающейся двери. Все это было неважно, мелко, отвлекающе. Эрик поджал губы и закрыл второе ухо рукой. Ему показалось, что он услышал тихий, едва заметный гул. Мальчик сосредоточился на нем, пытаясь понять, реален ли этот звук. Уверенности не было.

Эрик простоял так еще некоторое время и наконец отпрянул. Что он надеялся здесь найти? Как хотел открыть тайну, которую не могли разгадать поколения взрослых, живших до него?

– Среди либеров ходит легенда, – нарушил молчание Луций. – В ней говорится, что Башни возвели великие герои прошлого, по одному от каждого Большого Народа.

– Чепуха.

– Может и нет, кто теперь скажет? Они построены так давно, что мы даже не знаем когда. А еще говорят, что в те давние времена народы были едины, не было ни княжеств, ни королевств, ни империй. От моря Серпа и Арфы до моря Копья и Жезла простиралось единое государство. Я бы хотел жить тогда, ездить по миру, каждый день просыпаясь в новом месте, общаться без титулов и регалий. Вот как мы с то-

бой. Смех, рассказать кому, не поверят: сын префекта завел дружбу с сыном мастерового-гуддара.

– Я не говорил, что мой отец мастеровой, – возмутился Эрик. В словах Луция он услышал нотки превосходства. И либер был прав: разве они ровня?

– Ну, а кто еще? Уж точно не целлит, кустодий или ликтор.

– Некоторые гуддары торгуют, держат лавки, – начал перечислять Эрик.

– Согласен, и все-таки подавляющее большинство – мастеровые. Я, конечно, предположил, но у меня очень хорошие шансы оказаться правым. Итак, верно ли мое предположение?

Эрику пришлось согласиться.

– В этом нет ничего зазорного. Извини меня, если я как-то обидел своими словами. Иногда я хотел бы быть сыном простого мастерового...

– Почему? Разве плохо иметь большой дом, свой сад, слуг?

– Неплохо, но не всегда так уж хорошо. Мать умерла, когда мне было три. Отец почти все время в разъездах. Меня готовят к тому, чтобы стать префектом. Большинство учителей – занудные идиоты. То, что они рассказывают, вызывает только зевоту. Я бы с радостью променял все это на возможность быть с мамой и каждый вечер видеть отца...

Луций присел на камень рядом с подножием стены и посмотрел куда-то вдаль. Не только Башня возвышалась над

городом, но и площадка, на которой она стояла. С этой площадки открывался вид на улочки и кварталы, крыши и целлы. Застройка начиналась шагах в ста и продолжалась почти до самого горизонта. Где-то там можно было различить башни городской стены. На свободном от построек пространстве виднелись фундаменты древних домов – многие хотели поселиться ближе к Башне, но никогда такое соседство не продолжалось более года.

– Зачем они это делают? – вглядываясь в остатки одного из фундаментов спросил Эрик.

– Что? – обернулся к нему Луций. – Ах, это. Полагаю, каждый думает, что он особенный. Что уж с ним-то и его домом точно ничего не случится. Ты знаешь, что раньше город доходил до самой Башни?

– Правда?

– Да. Дома примыкали прямо к ее основанию. Здесь стояли огромные дворцы, сейчас таких не строят. Поднимались в небо множество шпилей, цеплялись за Башню, словно гигантские плющи. Вот такенные, – Луций развел руки. – Я видел древнюю гравюру в одной из книг. Правда, может быть, все это враки, книга была написана, когда от дворцов уже ничего не осталось. Но, с другой стороны, зачем бы кому-то это придумывать?

– Пожалуй, незачем.

Эрик снова оглянулся по сторонам. Он с трудом мог представить, как это место выглядело много поколений назад.

Может быть, вот там стояла целла, а тут особняк префекта?

– Как-то не верится, – наконец подытожил он.

– Если честно, мне тоже. В книгах иногда такое пишут... Например, что раньше здесь жил гуддарский князь и управлял огромным княжеством. Ну не княжеством, как-то оно называлось по-другому. Но суть-то от этого не меняется. И никто не был против, никто не сомневался в его праве на этот город, на это место. С одной стороны – чудно; с другой, если учесть, что Башни возведены по одной каждому народу, – логично. Скажем, если эту построили гуддары, то надо полагать, что здесь они и жили.

– Хм-м-м... – протянул Эрик. – И что с ними случилось?

– Честно говоря, я не знаю. Может быть, в той книге и написано, но я больше рисунки разглядывал. Да-да, не смотри так. У нас книг знаешь сколько дома? Все не перечитаешь.

– Я бы тоже хотел научиться читать, – признался Эрик.

Он очень любил книги. Каждый раз радовался, когда представлялась возможность сходить в лавку мастера Фроуда, прикоснуться к кожаным переплетам, вдохнуть ни с чем несравнимый запах бумаги. Иногда лавочник читал вслух какой-нибудь отрывок, и всегда это было не менее интересно, чем мамыны сказки. Как-то Эрик попросил научить его чтению, и старик Фроуд даже согласился. Однако отец не разрешил. Мать пыталась переубедить, но тот был непреклонен. «Незачем, и точка!» – твердил он полвечера, и мальчик впервые видел, как злится на отца мать.

– Похвальное желание, – со знанием дела кивнул Луций. – Я, конечно, ворчу на учителей, но только потому, что меня заставляют. Книги разные, далеко не все из них одинаково интересны. Но в них много того, о чем вслух стараются не говорить. А еще в них прошлое, то, чего сейчас нигде уже не увидишь... Но все эти занятия... От них порой так трещит голова. Сегодня у меня выходной, а обычно в это время я по уши в какой-нибудь риторике или арифметике, будь они неладны. Так что Клео везунчик. И да, еще раз тебе огромное спасибо за помощь!

Эрик улыбнулся и пожал протянутую Луцием руку.

– Слушай, – сказал либер. – Что ты ищешь? Что пытаешься услышать?

– Сам не знаю. Думал, пойму на месте. Но Башня молчит, а эти стены... Они выглядят совершенно неприступными.

– Молчит? – усмехнулся Луций. – Ты думал, она будет с тобой разговаривать?

– Ну, может быть, я неправильно выразился, – Эрик задумался, пытаюсь сформулировать. – Я надеялся увидеть или почувствовать что-то, что помогло бы мне понять, как действовать дальше.

– Дальше? В каком смысле? Хм... – либер встрепенулся, протянул руку и положил ее на стену. – Она вибрирует!

– Как?! Что?! – Эрик подскочил с места и повторил движение Луция. В первое волнительное мгновение показалось, что он ничего не чувствует, однако потом руке передалась

мелкая, но вполне ощутимая дрожь. – И правда вибрирует...

– Как думаешь, тряхнет? Вот, кстати, в одной из книг...

Земля под ногами ожила. Все знали, что строиться рядом с Башней безумие. Около самой стены толчки бывали такими, что сбивали с ног, разрушали фундаменты и любые конструкции. Чуть поодаль они быстро сходили на нет. Дрожала Башня не часто, может быть, раз или два в год, но этого было вполне достаточно, чтобы отвадить почти всех желающих поселиться к ней вплотную. И все же периодически находилась кто-то, пытающийся испытать судьбу.

– Бежим! – крикнул Луций застывшему на месте Эрику.

Они рванули с места. Земля ходила ходуном. Эрик с трудом удерживал равновесие. То под правой ногой, то под левой, то под обоими что-то ощутимо подскакивало в каком-то неправильном ритме, от которого начинала кружиться голова. Где-то слева вскрикнул Луций. Эрик остановился, припав на колени, и глянул на либера. Тот лежал на земле, распластавшись во время падения. Из носа стекала капелька крови.

Эрик попытался встать, но, сделав пару шагов, упал от очередного толчка. Содранные локти загудели. Тело не слушалось. Он сжался от страха, мечтая оказаться подальше. Его бросало, толкало и кружило, словно груз в ветхой телеге. Удары сыпались с разных сторон. Зубы заскрипели, а из глаз брызнули слезы.

Все закончилось так же внезапно, как и началось. Эрик тяжело дышал, все тело болело. Он вытер лицо рукавом и невольно всхлипнул. Захотелось поскорее убежать, вернуться домой, под защиту родителей, где все знакомо, привычно, безопасно. С большим трудом мальчик сел, пытаясь прийти в себя.

Вокруг ничего не изменилось. С одной стороны так же сверкали под лучами Светил крыши домов. С другой – та же Башня занимала полмира. А между ними было по-прежнему пусто и безжизненно.

Эрик поднял глаза к небу. Завеса вокруг Башни чернела как-то особенно неприветливо. Клубы дыма и копоты пульсировали и переливались, меняя очертания и оттенки. У мальчика закружилась голова.

Где-то в районе бедра ногу обдало теплом. Эрик опустил руку, пытаясь понять, что происходит. Ощупывая себя, догадался, что жар идет от камушков в кармане. Вытащив, убедился, что они ничуть не изменились, но стали горячими, даже обжигающими. Когда боль в ладони стала нестерпимой, Эрик отбросил их в сторону.

– Что за ерунда? – проговорил он удивленно.

Тут мальчик вспомнил о Луции. Тот лежал неподалеку и не шевелился. С усилием встав, Эрик подошел ближе.

– Эй, ты как? – позвал он либера.

Когда ответа не последовало, Эрик подергал его за плечо.

– Луций, с тобой все в порядке?

Либер не отзывался. Около носа запеклась кровь, но в целом он выглядел так, словно просто уснул в неудобной позе.

Эрик попытался понять, дышит ли тот, и с облегчением обнаружил, что грудь Луция медленно поднимается и опускается. Эрик еще раз потряс либера, но безрезультатно.

– Смогова Башня! И что теперь?

Оставив Луция в покое, он снова огляделся, пытаясь понять, что делать дальше. Внезапно взгляд остановился на девочке. От неожиданности Эрик подскочил на месте. Она сидела совсем рядом, наклонив голову набок и внимательно наблюдая за происходящим. На ней было простое серое платье, какое носят дети гуддаров, но черты лица не были гуддарскими. На шее висела бронзовая цепочка с большим прямоугольным бронзовым кулоном. Непослушные курчавые волосы играли на ветру.

– Ты кто? – вырвалось у Эрика, хотя вопрос, очевидно, был не самым вежливым. – П-привет.

– Я не помню, – буднично ответила девочка. – А ты?

– Я Эрик, – машинально представился мальчик. – А это Луций. Ему нужна помощь. Откуда ты здесь? Можешь сходить за кем-нибудь из взрослых?

– Два вопроса, – девочка наклонила голову в другую сторону. – На какой из них ответить?

– На оба, конечно, – недоумевающе сказал Эрик.

– Так нельзя. Один вопрос – один ответ.

Эрик тряхнул головой и посмотрел на незнакомку. Сам он был весь в грязи, ушибах и ссадинах, Луций выглядел не лучше. На девочке же не было и следа от того, что происходило здесь несколько минут назад. Как она тут появилась? Подкралась незаметно, привлеченная их вскриками?

– Хорошо, будь по-твоему. Один вопрос. Как ты здесь оказалась?

– Я не помню, – повторила она. – Кажется, проснулась и сразу же увидела тебя.

Проснулась и увидела? Где она могла спать? Может быть, в тех развалинах, спрятавшись за камнями фундамента?

– Теперь моя очередь, – подмигнула девочка как ни в чем не бывало. – Откуда здесь ты?

– Мы с Луцием пришли взглянуть на Башню. Потом все затряслось. Мы оба упали. Теперь Луций без сознания. Ему нужна помощь!

– Тот, кто пришел с тобой, будет в порядке.

– Откуда ты знаешь?

– Просто знаю.

– Но...

– Это не важно, – девочка разгладила подол платья. – Моя очередь, помнишь?

– Хорошо, – кивнул Эрик, хотя вовсе не был уверен в том, что с ним играют по правилам. До сих пор он не слышал ни

одного внятного ответа.

– Где ты нашел те камни?

– Какие?

– Те, которые были в твоём кармане.

– Просто нашел... На рыночной площади.

Незнакомка снова поменяла наклон головы. Посмотрела на Эрика немигающим взглядом, от чего мальчику стало не по себе. Он отвел глаза. Где-то за ушами возникло неприятное напряжение.

– Твоя очередь, – наконец сказала девочка.

– Почему ты спрашиваешь про камни? Откуда про них знаешь?

– Это два вопроса.

– Нет, один, – заупрямился Эрик. – Я хочу знать все, что тебе про них известно.

Девочка смерила его еще одним продолжительным взглядом.

– Хорошо. Я знаю про камни, потому что они меня разбудили. Обдали жаром, и я открыла глаза. А потом увидела тебя. Твой карман был почти таким же горячим, и что-то в нем говорило – мгновение назад камни были там. Не спрашивай меня что, я пока не знаю.

Она развела руками, словно бы извиняясь. Этот жест показался таким доброжелательным и естественным, что Эрик поймал себя на мысли: эта девчонка ему, пожалуй, даже нравится.

– Принесешь еще? – спросила она внезапно.

– Что?

– Камни. Принеси мне еще таких же камней.

– Зачем?

– Тогда я начну вспоминать и смогу ответить на другие вопросы.

– Вот еще, – Эрик тряхнул головой. – Ноги моей здесь больше не будет. Мы тут чуть не умерли.

– Хорошо, – легко согласилась девочка и улыбнулась. – Но, если решишься, буду тебя ждать.

За спиной застонал Луций. Обернувшись, Эрик положил руку ему на плечо.

– Как ты? Очнулся?

Луций открыл глаза. Кажется, он не сразу понял, где находится.

– Бывало и лучше, – наконец выдавил либер. – Свезло нам с тобой, ничего не скажешь. Сам-то в порядке?

– В порядке. Тут вот еще...

Эрик оглянулся, желая указать на странную девочку, но никого не увидел. Осекшись на полуслове, помотал головой. Пусто. Ни между камней полуразвалившегося фундамента, ни у домов в отдалении, ни под стеной Башни никого не было.

– Вот уж везение, так везение, – усмехнулся Луций, поднимаясь на ноги. – Побывать у Башни второй раз в жизни и попасть на ее дрожь. Каково, а? Эрик, ты везунчик! – Он рассмеялся, стряхивая с себя пыль. – Сначала удивляешь своими странными камнями моего садовника, теперь меня – этим невероятным совпадением. Башня «чихает» от силы пару раз в год и всегда это заканчивается очень быстро. Мы могли сидеть здесь день за днем и так ничего не дожидаться. А тут на тебе. Повинуясь неясному внутреннему порыву, к Башне приходит гуддар, ждет от нее каких-то знаков, и она, как по волшебству, являет ему их. Чудно, да и только.

Эрик задумался. А ведь правда. Если посмотреть на все произошедшее с этой стороны, он стал свидетелем удивительного события. Отец рассказывал, что кое-где в горах за *чашей*, там, где начинаются холодные земли Вольных гуддарских княжеств, тоже иногда трясло, но трясло совершенно иначе, в разных местах, на большой территории. Здесь же, в центре Патеры, дрожь происходила всегда в одном и том же месте, на небольшом участке земли, ровно вокруг Башни, а постройкам в какой-то сотне шагов от основания ничего не угрожало. Но и около самой Башни, если верить книгам Луция, когда-то стояли дома. Что же произошло? И что происходит все это время?

– Как ты думаешь, почему? – спросил он Луция вслух. – Почему ее трясет?

– Кто ж знает? Думаю, так она устроена.

– Но ведь так было не всегда. Что-то изменилось.

– Ну, это если доверять древней гравюре из древнюющей книги, в которой неизвестно еще сколько правды. Я бы относился к этому очень скептически... Хотя... – Луций заходил взад-вперед, потирая подбородок. – Вообще-то, это интересный вопрос. Завтра у меня урок истории, и я, пожалуй, задам его. Мне даже любопытно, как будет выпутываться этот прохвост Ра́стус.

Луций остановился и взглянул на небо. Светила начали Третий Оборот и постепенно клонились к закату. Эрик знал, что либеры зовут их Ма́гна и Мбди, и у него в голове никак не укладывалось, почему те считали большое Светило – женщиной, а малое – мужчиной. Теперь, после истории Вена и Со́лы, это казалось ему еще более нелепым.

– Наверное, на сегодня стоит закончить наше увлекательное исследование, – сказал либер. – Считаю, что экспедиция уже добилась многого. Мы можем продолжить изыскания в другой день, если мой высокочтимый компаньон не возражает.

Луций театрально поклонился Эрику и, увидев удивление в его глазах, расхохотался.

– Да, мой дорогой друг, иногда я вспоминаю о своих манерах. Я все-таки сын префекта.

– Подожди, дай мне пять минут.

– Как вам будет угодно, – с этими словами Луций резко развернулся на пятках, но, по-видимому, ушибы давали о себе знать. Либер охнул и опустился на землю. – А знаешь, я, пожалуй, пока посижу. Созерцание – благороднейшее из занятий.

Мальчишки рассмеялись. Эрик попробовал повторить поклон либера, но получилось неловко. Впрочем, Луций дружелюбно улыбнулся в ответ и махнул рукой:

– Давай, за дело мой юный друг. Какое бы оно там у тебя ни было.

* * *

Сначала Эрик попытался найти свои камушки. В его глазах они приобрели еще большее значение, потому что где это видано, чтобы камни самопроизвольно нагревались в кармане? Впрочем, хождения взад-вперед ничего не дали. Камней и след простыл. Верней, вокруг их было полно, и в целом они не сильно отличались от тех, что валялись на рыночной площади. Но особенных камней, его камней, он не находил. Может быть, их забрала с собой та странная девчонка? Они определенно ее заинтересовали. Эрик вспомнил, что незнакомка просила принести еще. Да, наверняка именно она забрала их. От этой мысли Эрик расстроился и перевел взгляд на Башню.

Черная монолитная стена безмолвно возвышалась над ним. Казалось, вся она, ну или по крайней мере обозримая часть, вырублена из единого исполинского камня. Возможно, этот камень был древнее всего, что знал Эрик. Разве что Светила могли сравниться с ним возрастом.

Мальчик подошел к стене, прижался к ней всем телом, ладонями, животом, щекой. Сможет ли он снова услышать ее гул? Башня молчала. Или ему просто не хватало внимания, чтобы расслышать ее тихий, глубокий рокот? Он простоял так несколько минут. Собственное дыхание и биение сердца мешали, словно гомон толпы в праздничный день. В ушах начало ощутимо звенеть.

– Ладно, наверное, и правда нам пора возвращаться, – отстранившись от Башни, сказал Эрик и оглядел свою одежду. Кое-где она подрастрепалась и запачкалась, а на коленке виднелась свежая дырка. – Будет мне, конечно, сегодня за то, что вернусь в таком виде.

– Где наша не пропадала! – подмигнул ему Луций. – Я дам тебе новую рубаху и штаны. Скажешь, что помогал чудаковатому сыну префекта ловить его непослушного кота и в благодарность получил новую одежду!

– Не думаю, что отец этому обрадуется.

– Не любит либеров?

– Говорит держаться от вас подальше.

– Но ты ведь не мог бы отказать, если бы кто-то из либеров приказал тебе. Поэтому ты всего лишь жертва обстоя-

тельств.

Судя по всему, Луций был очень доволен той историей, которую он придумал для Эрика. Впрочем, и Эрику она показалась достаточно разумной. Зачем бы кому-то упрекать его за испорченные старые штаны и рубаху, если вернулся он в новых?

* * *

Обратной дорогой больше молчали. Эрик не стал рассказывать про странную девочку. Похоже, у него появилась своя Тайна, самая настоящая, и он не хотел никого к ней подпускать. Она согревала, как греет огонь, если протянуть к нему руку. Мальчик боялся, что если выставит Тайну на всеобщее обозрение, поделится ей хотя бы с одним человеком, тепла станет меньше, поскольку оно сразу же разделится на двоих. Луций смотрел под ноги и, кажется, тоже был занят своими мыслями.

Так они, не мешая друг другу, довольно быстро вернулись в сад, из которого начался их совместный поход к Башне. Дети тихо проскочили между кустов к дому и через черный ход вошли в помещение для слуг. Луций уверенно распорядился выдать Эрику одежду, потом расспросил, не нужно ли что-то по хозяйству на рынке, и, услышав от экономки, молодой и дородной женщины-либерки, положительный ответ, договорился не откладывать закупку на завтра, а отправить

слуг прямо сейчас. Естественно, вместе с Эриком. Женщина смерила гуддара подозрительным взглядом, словно бы оценивая, можно ли тому доверять, но возражать не стала.

Прощание вышло быстрым. Сговорились встретиться через два дня на третий на рыночной площади в конце Первого Оборота. В этот день у Луция не должно было быть занятий, а Эрик надеялся отпроситься у матери. Луций заверил, что попытается разузнать о Башне в книгах и у учителей, а Эрик обязался расспросить родителей. Он так и не сообщил либеру, что слышал от матери о строительстве Башен и о цвергах, и никак не мог решить, стоит ли об этом говорить. Однако ему не хотелось показаться бесполезным, тем более обещание постараться что-либо узнать ни к чему не обязывало. Вряд ли сын префекта рассчитывал, что сын мастерового, у которого не было ни книг, ни учителей, действительно сможет выяснить что-то ценное.

Так Эрик очень скоро оказался в компании пары слуг-кайанцев, отправленных на рынок за покупками в вечернее время. Те тихо переговаривались друг с другом и не особо обращали на него внимание, а он глазел по сторонам и старался запомнить дорогу. Через четверть Оборота они были на площади. Эрик поблагодарил кайанцев за сопровождение и побежал домой, стараясь успеть засветло.

Мать и сестра хлопотали на кухне. Увидев Эрика в новой одежде, Мия тут же начала расспрашивать. Мать не присоединилась к допросу, но внимательно слушала и изредка по-

глядывала в их сторону.

– Что-то не похоже на правду, – подвела итог Мия. – Зачем ты вообще связался с либерами? Не помнишь, что нам говорили родители?

– Помню, держаться подальше, – Эрик не чувствовал себя виноватым, но голос предательски дрогнул. – Да какое тебе вообще дело? Разве у меня был выбор? Что я должен был делать?

– Эрик, сестра задает правильные вопросы, – вмешалась наконец мать. – Тебя не было весь день, а история не так правдоподобна, как ты думаешь.

Мальчик насупился. Знали бы они настоящую историю, что бы сказали тогда?

– Но это правда, мама! Я не украл одежду, мне ее дали за дело!

Мать взглянула на него, и, по-видимому, что-то в словах или взгляде ее удовлетворило.

– Хорошо, оставим пока этот разговор. Сходи переоденься, скоро придет отец, не будем вываливать на него все это с порога.

Эрик поднялся наверх и переоделся. Похоже, расспросы на этом не закончились, и очень скоро к ним присоединится отец. По правде сказать, ничего приятного. И все-таки он не жалел о том, как провел сегодняшний день.

– Ты был там? – отец неопределенно махнул рукой в сторону окна. В вечерних сумерках на фоне домов уходила в небо одинокая Башня.

От неожиданности Эрик громко выдохнул. Как отец мог узнать? Мальчик не рассказывал ничего, кроме той истории, которую придумал для него Луций.

– Значит, был...

Отец подскочил со стула и прошелся по комнате, словно на что-то решаясь. Мать сидела в стороне, опустив глаза. Странное, почти ощутимое напряжение повисло между ними, хотя они вовсе не смотрели друг на друга. Эрик не мог понять, в чем дело. Не похоже на рядовой воспитательный разговор. Обычно родители вели себя по-другому.

– Ты встретил ее? – наконец спросил отец. Голос был глухим, в нем ощущалась какая-то тоска и чуть уловимая надежда.

– Кого? – не понял Эрик.

– Девочку у Башни.

– Д-да... Откуда ты?..

Отец опустился на колени, схватившись за голову. Руки едва уловимо дрожали. Кажется, на его глазах проступили слезы, хотя в полумраке комнаты Эрик не был в этом уверен. Он никогда не видел отца таким. Внезапно в нем не осталось

ничего от сильного, уверенного в себе мужчины, каким он всегда был для Эрика. Мать прикрыла лицо ладонью. В этом движении чувствовалось напряжение, понять причину которого мальчик не мог.

– Что?.. Что с вами?.. – проговорил он.

Отец сжал кулаки и с силой ударил ими об пол. Эрик подпрыгнул на стуле.

– Помолчи! – выкрикнул отец. Лицо исказила злая гримаса.

– Перестань, Герхард, не при сыне, – тихо сказала мать.

– Замолчите вы все! – еще громче заорал отец. – Ты, ты, Анника, во всем виновата! Будь проклят тот день, когда я встретил тебя!

– Будь проклят тот день, когда ты встретил *ее*! – повышая голос, зло парировала мать.

Отец зарычал, словно огромный лесной зверь, которого Эрик когда-то видел на ярмарке у гуддарского купца. Вроде бы, его называли бьёрном. Поначалу он тихо сидел в клетке, но когда вокруг собралась толпа, встал на задние лапы и оказался на несколько голов выше любого из присутствующих. Огромные клыки оголились, и он издал протяжный, раскатистый рев, от которого у Эрика заложило уши.

Мать поднялась с места и встала между мальчиком и отцом.

– Не при сыне, – медленно повторила она, делая ударение на каждом звуке.

Отец закрыл глаза. Простояв так мгновение, резко развернулся и вышел из дома.

Наступило тяжелое молчание. Мать опустилась на стул. Эрик был в полном замешательстве. Он не понимал, что произошло. Не понимал, чем вызвано странное поведение родителей. О ком они говорили? Почему отец злился на мать? Что его так расстроило? Наконец, как отец узнал, что он был у Башни? Что он видел там странную девочку, имени которой даже не знал?

Вопросы так бы и продолжали крутиться у Эрика в голове, если бы мать не заплакала. Ее слезы заставили мальчика встрепенуться. Он подошел к ней и обнял за плечи. Она взяла его руку и прижала к груди так, словно это было самое ценное в мире сокровище. Движение было знакомым, привычным. Очень правильным. Единственно правильным во всем том неправильном, что произошло за последние несколько минут. Эрик положил голову ей на плечо.

– Почему он так? – спросил мальчик тихо, хотя надо было бы помолчать.

– Потому что ему больно.

– Но от чего?

– Сегодня он потерял друга и нечто больше... – мать тяжело вздохнула, вытирая слезы с лица и пытаясь улыбнуться сыну. Голос был спокоен, но окончания слов трепетали, словно травинки на ветру. – Возможно, кое-что он получил взамен, но сам еще не знает об этом. Мир сложнее, чем мы

хотели бы себе представлять. Человеческие чувства – не вода, которая течет туда, куда направят. Иногда они неподвластны, сильнее нас. Порой чувствовать что-то к кому-то великое счастье. Но, к сожалению, не всегда это так. Иногда чувства выедают изнутри, заставляют испытывать боль, сильнее которой не могут быть никакие физические страдания.

– Чувства? – не понял Эрик. – О чем ты говоришь?

– О любви, конечно. Не только о ней, но о ней в первую очередь, – мать замолчала, раздумывая над сказанным, но потом продолжила нараспев, так, как рассказывала сказки: – *В давнюю пору Вен синеглазый в облике мужа на землю спустился. Был он глашатаем, странником-богом, волю он нес Наблюдателя миру. Славы не ждал, не искал восхваленья, был беспристрастным, невозмутимым. Сердце его, словно звездный осколок, тайной лучилось и дивной красотою, но незнакома ему была радость, грусть незнакома и страсти томленья. Так по земле путешествовал странник и повстречал благородную деву, ликом нежнее рассветного неба, мудростью речи ни с кем не сравнимой. Солой представилась Вену та дева, Имя ее он навеки запомнил. Сердце, что раньше не ведало счастья, вспыхнуло ярко в то же мгновение и засияло невиданным светом, пламенем страсти забушевало. Не было силы большей на свете, чем тяготение души между ними.*

– Я помню эти слова, – кивнул Эрик.

– Искали ли Вен и Сола любовь? Нет. Окрыляла ли она их? Наполняла ли счастьем? Делала ли мир вокруг другим? Да. Да. И да. Но были ли они счастливы в тот момент, когда не могли быть вместе? Каждый однажды понимает, что такое любовь. Встретишь и ты свою. И, когда встретишь, осознаешь, как болезненно не иметь возможности быть рядом с человеком, которого любишь. Как болезненно, если твои чувства не взаимны. Как тяжело, когда они уходят, словно наваждение, а рядом оказывается кто-то, кого ты совершенно не знаешь.

– Но какое отношение это имеет к вам?

Мать вздохнула, но не ответила, а только сильнее прижала к себе сына.

За окном темнело. Вен почти опустился к горизонту, длинные тени расползлись по улице. Голубые лучи пробивали Завесу и падали на подоконник, мягко ложились на стену напротив окна, играли на поверхности воды в стакане. Из-за Вена едва-едва выглядывала Сола, верная своему спутнику с незапамятных времен. Была ли их любовь благодатью или несчастьем? Изо дня в день они совершали одно и то же движение друг вокруг друга, неизменное и стабильное. На них ориентировались, если хотели отмерить время или определить направление. Но о чем они говорили между собой? Были ли свободны в выборе находиться вместе? Были ли все еще счастливы?

Эрик долго не мог уснуть: то мысленно оказывался в маленькой каморке Веньяна и помогал лечить Клео; то рядом с Башней, оживавшей на глазах и говорившей с ним низким трубным рокотом; то на улицах Патеры, по которым двигались мрачные процессии культистов; то на первом этаже дома, в момент сцены, разыгравшейся между матерью и отцом. Они что-то скрывали, что-то недоговаривали. Это что-то вылилось обрывками фраз и было связано с их чувствами. Мальчик не мог поверить, что отец не любит мать. Почти всегда тот был нежен и внимателен, отзывчив к ее просьбам. Он был скалой, за которой можно спрятаться. На него хотелось равняться, гордиться им. Для Эрика родители были лучшей парой на всем белом свете. Но что, если это не так? Или он просто запутался?

Эрик крутился на кровати, то вздыхая, то прячась под одеяло в страхе, что его мир может рухнуть прямо сейчас и никогда не сложится из осколков снова. Он слышал, как посреди ночи пришел отец, как тот тихо прошел в спальню. Мать не встречала, как делала это обыкновенно, не зазвучали приглушенные разговоры. Лишь тишина и звуки медленных шагов, да тихий скрип кровати, когда отец ложился.

Все это еще больше испугало Эрика. Мать всегда говорила: «Не копите обиду. Примирение – лекарство для серд-

ца». И первой шла навстречу в любой ссоре, сглаживала острые углы, находила правильные слова. Отец мог вспылить и разозлиться, мог молчать день, но не она. Может быть, мать просто устала? Эта мысль немного успокоила мальчика, и он наконец забылся тревожным сном.

* * *

Утро было холодным. Нет-нет, Вен, как и вчера, согрел крыши и камни мостовой своими лучами, но дома стояло молчание, от которого на душе становилось зябко и противно. Мия, хоть и не присутствовала при вчерашней сцене, быстро поддалась общему унынию и ходила, поджав губы, словно съела что-то кислое.

Отец молча ушел. Мать молча занялась домашними делами. Дети принялись молча помогать. Вместе с тем, в молчаливом сосредоточении дела спорились, и очень скоро все оказались свободны.

– Эрик, пойдём-ка погуляем, – ткнула Мия в бок брата.

– Что-то не хочется, – уныло ответил тот.

– Пойдём-пойдём, надо поговорить, – шепнула она.

– Ну... ладно, – вяло согласился он.

– Мама, мы гулять! – громко сообщила Мия.

– Хорошо, – отозвалась мать из соседней комнаты.

Так они оказались на улице. Мия уверенно зашагала прочь от дома.

– Чего встал, идем, – обернулась она к замешкавшемуся Эрику.

– И куда мы? – спросил он, нагоняя сестру.

– Куда-куда... Раскудахтался как наседка. Придем и увидишь.

Они свернули с улицы и оказались в переулке, по которому можно было идти только друг за другом. Слева и справа нависали крыши. От стен пахло сыростью. Переулок находился недалеко от дома, но отчего-то Эрик никогда сюда не заглядывал. Через пару десятков шагов строения чуть отступили. На высоте второго этажа на веревках, перекинутых между домами, сушилось белье. Дети прошли еще немного и оказались около деревянной лестницы, приставленной к одному из зданий.

– Полезай, – скомандовала Мия.

Эрик подчинился. Старая лестница ощутимо раскачивалась из стороны в сторону при каждом движении. Мальчик забеспокоился и обернулся на сестру. Та махнула рукой, мол, все в порядке. Он продолжил подъем. Где-то на середине нога сорвалась. Эрик ойкнул и крепче вцепился руками в перекладину. Раздался смешок Мии. Наверняка ее забавляло, что он боится.

Чем выше, тем неустойчивей становилась лестница. Замирая на мгновение после каждого движения, Эрик пытался унять дрожь в коленях. Наконец добрался до верха. Узкое и темное пространство переулка сменилось бесконеч-

ным оранжевым полем черепичных крыш, в центре которого возвышалась одинокая черная Башня. Мальчик глянул вниз. Сердце екнуло, показалось, что лестница начала заваливаться в бок. Он судорожно ухватился рукой за крышу. Голова слегка кружилась, но Эрик заставил себя перевалиться через край и подтянуть ноги наверх. Под ним больше ничего не шаталось, но наклонная черепичная поверхность не давала расслабиться. Казалось, если он сдвинется хоть чуть-чуть, то скатится вниз. Эрик замер на четвереньках, боясь пошевелиться.

Из-за края крыши появилась голова Мии. Она прыснула, взглянув на брата, и быстро заскочила на черепицу. Было видно, что делала это не раз.

– Ты словно жук-навозник, вцепившийся в свой шар, – прокомментировала Мия. – Да не бойся так, никто еще отсюда не упал.

Ему вовсе не хотелось становиться первым, но мальчик постарался придать себе более презентабельный вид: осторожно оторвал одну руку от черепицы и сел на бок. Взгляд скользнул в сторону, к пустоте между домами. Мия беззаботно прошла мимо и уселась около трубы, опершись на нее спиной. Происходящее явно ее забавляло.

– Зачем мы здесь? – спросил Эрик, переведя дух.

– Почему нет? Мне здесь нравится. Видно весь город от края до края, светло и просторно. Можно вот так сидеть часами и чувствовать себя частью чего-то большего. Мне по-

казал это место Вáрди. Я бы сама мимо прошла, а он такие вещи подмечает.

Варди, сын Айварса, был другом Мии. Они часто проводили время вместе, хотя отец, недолюбливавший Айварса, смотрел на это с неодобрением. Иногда Мия злилась, но большую часть времени ей, казалось, было все равно.

– Хотя ты прав, – она пристально посмотрела на Эрика. – Мы здесь, чтобы поговорить.

– И о чем?

– О чем? Конечно, о том, что произошло. Меня отослали наверх, но кое-что я слышала. Хочу знать подробности. Здесь тихо и спокойно, отличное место, чтобы поболтать.

Эрик, который все еще чувствовал себя напряженно, не был в этом так уверен.

– Почему они поссорились? Сегодня все словно воды в рот набрали, не припомню, когда такое было последний раз.

– Может быть, никогда? – предположил Эрик.

– Вот тут ты не прав, – возразила Мия. – Пока ты был маленький, они часто ругались, иногда не разговаривали по несколько дней.

– Из-за чего?

– Да не знаю... – Она развела руками. – Из-за всего. Потом как-то успокоились. Я радовалась, и тут на тебе. Так что? Что произошло?

Эрику совсем не улыбалось рассказывать сестре все как есть. Он хотел сохранить тайну о Башне и странной девочке

хотя бы от нее.

– Ну-у-у... – протянул он, соображая, как бы половчее выкрутиться. – Сначала обсуждали мою рубашку. Потом начали ругаться. Отец был очень расстроен, рассердился и ушел из дома. После этого мама говорила что-то странное, вспомнила про Сола и Вену, про чувства, что они могут быть счастьем, но могут причинять боль. Как ты думаешь, это она про них с папой?

Последняя фраза вырвалась у мальчика сама собой. Он очень не хотел делать подобный вывод и надеялся, что сейчас сестра все ему объяснит, успокоит, и окажется, что он просто что-то понял не так.

– Похоже на то, – опустила голову Мия. – Так. Нам нельзя раскисать, мы должны что-то придумать. Как-то помирить, пока не зашло слишком далеко.

– Слишком далеко? – не понял Эрик.

– Да, слишком далеко. Ты знаешь, что мать и отец Варди уже несколько лет почти не разговаривают?

– Н-нет...

– Он рассказывал мне, только это тайна. Ты ведь умеешь хранить секреты? – Мия строго глянула на брата.

Эрик не знал, умеет ли он хранить секреты, но на всякий случай кивнул.

– Теперь, когда разобрались, в чем дело, надо придумать, как мы можем на это повлиять, – похоже, Мия была настроена решительно.

– Как, например?

– Думаю, думаю... – Мия перевела взгляд на крыши домов, будто пытаюсь найти ответ у города.

Неподалеку, в рабочем квартале, из труб поднимался густой дым. Где-то там сейчас был отец. Со стороны торговой площади раздавались приглушенные крики. Здесь, на крыше, их было едва слышно. Над домами возвышались стройные целлы, в которых служители Культа несли свою кругло-суточную стражу на благо жителей Патеры.

– Может быть, обратимся к целлиту Корнелиусу? – неуверенно предложил Эрик. – Он всегда говорит, что семья очень важна...

– Ой, ой, повзрослей уже немного. Корнелиусу и дела нет до нас и нашей семьи. Ему важно, чтобы мы приходили на нудные сакрифиции и возносили хвалу Чаше.

– Но...

– Нет, даже не вздумай. Нам нужно быть хитрее, – внезапно лицо Мии просияло. – Кажется, я придумала!

* * *

Эрик лежал на мостовой лицом вниз. Плечо нещадно горело. Удар пришелся чуть ниже сустава и оставил ощутимый синяк. В голове гудело. Где-то вдалеке раздались сначала голоса, а затем быстрые, встревоженные шаги нескольких пар ног. Мальчик пошевелился, но почувствовав боль в лодыж-

ке, замер.

– Эрик, – раздался взволнованный голос отца. – Эрик, ты меня слышишь?

Сильная рука уверенно, но осторожно повернула мальчика лицом вверх. На улице начинало темнеть. Он разглядел над собой три фигуры, но в сумерках не смог разобрать выражения лиц.

– В сознании, уже хорошо, – удовлетворенно сказал отец. – Можешь подняться?

Эрик попробовал, но покачнулся. Опять напомнила о себе лодыжка.

– Не знаю, – сказал мальчик неуверенно. – Ногу потянул... Кажется.

– Я донесу тебя до дома, там осмотрим. Хватайся за шею.

Отец наклонился и взял его на руки. Рядом, с напряженным выражением лица, стояла мать. Из-за нее выглядывала Мия и смотрела на Эрика слегка виновато.

– Он меня защищал, – сказала сестра. – Бросился на них. Его ударили, а я вырвалась, за вами побежала. Надо было остаться, вступить, но я испугалась.

– Ты все правильно сделала, – сказала мать, положив руку ей на плечо.

Отец кивнул, соглашаясь.

– Нет, надо было! – всхлипнула Мия.

– Мать права, ты сделала лучшее, что могла, – остановил ее отец. – Тем более мы рядом.

Двинулись домой. Сильные руки отца словно не замечали вес Эрика. Мать шла молча. Только Мия всю дорогу продолжала говорить, сообщая все новые и новые детали произошедшего:

– Один из них с подбитым глазом был, в рваной рубашке, мне показалось, пьян. Другой маленький такой, противный, но наглый, все лез за руку взять. А третий ни звука не издал. Не знаю, может, дурачок. Но он-то меня и схватил, когда мелкий этот злиться начал. Не знаю, что уж они хотели. Сначала вроде как познакомиться: вот мы, мол, красавцы какие, не хочешь с нами дружить? А нужны они мне? У меня Варди есть.

Руки отца ошутимо сжались, Эрик ойкнул. Мать встревоженно взяла его ладонь в свою. При этом придвинулась к отцу, их плечи соприкоснулись. Он посмотрел на мать, она ответила продолжительным взглядом. В глазах обоих больше не было ни злобы, ни обиды, лишь тревога за сына.

Мия, идущая чуть поодаль, хитро улыбнулась и подмигнула Эрику.

* * *

Дома его внимательно осмотрели. Никаких серьезных травм не оказалось, плечо продолжало ныть, но лодыжка вскоре утихла и перестала о себе напоминать. Мать заварила чай с травами, отец помог накрыть стол. После ужина семья

долго сидела, болтая о том о сем. Мия ушла первой, вслед за ней собралась мать. Эрик остался наедине с отцом.

– Как она? – ни с того ни с сего спросил тот, когда звуки шагов стихли, и в доме наступила тишина.

– Кто?

– Бьёрг... То есть не Бьёрг, – отец смутился. – Девочка, которую ты встретил у Башни.

– Она странная. Очень.

Отец улыбнулся. Его взгляд блуждал по комнате.

– Ты уже дал ей имя?

– Имя?

– Да, она ведь его не помнит. Попросит тебя дать ей имя.

– Откуда ты знаешь?

Отец не ответил, только неопределенно покрутил в воздухе рукой.

– Стань ей другом, – сказал он наконец. – Стань опорой и поддержкой. Цени ее. Будь защитой. Будь лучше, чем ты есть. Со временем она многое вспомнит и многое тебе расскажет. Тогда ты поймешь. Поймешь меня. Поймешь все, что происходит. Пока просто поверь. Это не моя тайна, вернее, не только моя или... уже не моя.

Отец замолчал. Его взгляд остановился на точке на стене где-то за спиной Эрика.

– Такова наша судьба уже много поколений подряд. И от судьбы не уйдешь. Кое-что происходит, происходит прямо сейчас и никак не произойдет без тебя, в этом можешь быть

уверен.

Отец смерил его взглядом и, увидев непонимание, удовлетворенно усмехнулся:

– Значит, Анника все-таки удержалась от того, чтобы рассказать вам эту часть истории... Я удивлен, но рад, что она вняла моей просьбе. У тебя хорошая мать, прости меня за то, что я наговорил вчера. Хотя мне следует в первую очередь извиниться перед ней, – отец потрепал Эрика по плечу. – Сегодня ты молодец, горжусь тобой. Повел себя как мужчина. Никогда не давай в обиду тех, кого любишь. Пусть потом от синяков и ушибов болит тело, но главное, что не будет болеть душа.

Эрик смутился. Ему была приятна похвала отца, но он понимал, что она не так уж заслуженна.

– Пойду согрею твою мать, да и ты иди спать. Сегодня был длинный день. Все течет, и все меняется. Такова жизнь. Приспособимся, прорвемся.

Эрику показалось, что последние слова отец адресовал уже самому себе.

* * *

Когда Эрик дошел до кровати, Мия еще не спала. Он лег, она поднялась и подошла к нему, склонилась над одеялом и поцеловала в лоб, чего обычно никогда не делала. Мальчик злился, она его обманула, но в конечном итоге, возможно,

дело того стоило.

– Прости меня, братец, за синяки, – шепнула она на ухо. – Если бы сказала сразу, у нас бы не получилось так ловко обыграть нападение. А если бы не получилось, то и родители продолжали бы дуться друг на друга. Победителей не судят? Так ведь?

Она нежно обняла его за плечи, и от этого простого и естественного движения обида отступила.

Глава 3. Ягодный пирог

Городской рынок, по обыкновению, гудел сотнями голосов. Прилавки ломились от товаров, окрест разносились запахи, сновали между рядов торговцы и покупатели. Едва выглянувшая из-за Вена желтоликая Сола подмигивала бликами на стеклянной посуде, оружии и доспехах, полированной мебели, влажных камнях мостовой. Ночью прошел дождь, и теперь неровные лужи собрались под ногами грязными пятнами.

В кармане опять были камушки. Особенные камушки. Чтобы найти их, пришлось потрудиться. Накануне он обежал все окрестные дворы, внимательно прошелся по рыночной площади и уже было вовсе отчаялся, когда, возвращаясь, обнаружил то, что искал, около целлы. Они лежали у самого основания стены, грязные и пыльные, совершенно непримечательные и никому не нужные. Никому, кроме него. Эрик подобрал их и судорожно спрятал в кармане, словно бы опасаясь, что кто-то подойдет и отберет находку. Когда мальчик пришел домой, то был совершенно спокоен и впервые за много дней спал крепко и без сновидений.

На сегодня была назначена встреча с Луцием, но либер все не появлялся. Какое-то время Эрик расхаживал по площади, делая вид, что занят чем-то важным, но вскоре присел у ступенек целлы и придался бессмысленному созерцанию.

Прямо напротив разрезала небо Башня. Неизменная и постоянная, притягивающая и манящая. Для многих она стала всего лишь фоном, чем-то вечным и непреходящим, но не для Эрика. Он наблюдал за ней, потеряв ощущение времени, не в силах отвести взгляд и не понимая, что нового ожидает увидеть.

Он вспоминал о странной девочке. Отчего-то очень хотелось увидеть ее снова, задать новые вопросы, услышать новые ответы. Камушки приятно оттягивали карман, а мысли витали где-то далеко.

– Эрик! – услышал он знакомый голос.

Это был Луций. Мальчик двигался в его сторону, перепрыгивая через лужи и размахивая руками, чтобы привлечь внимание. Эрик встал с места и пошел навстречу.

– Я уже заждался, – сказал он, когда они поравнялись.

– Извини, выбрался из дома, как только смог. Какие новости?

– Даже не знаю, – Эрик пожал плечами. – Сижу вот, смотрю на Башню, думаю.

– Что надумал?

– Сходить бы туда еще раз.

– Это можно, я, правда, сегодня уже набегался. Давай немного передохнем? А хотя, знаешь, пойдём-ка где-нибудь перекусим.

– Где? – засомневался Эрик. Он ел только дома или когда бывал в гостях, а звать Луция домой или в гости было бы не

очень осмотрительно.

– Да где угодно, не знаю. Вон хоть в той харчевне, – либер указал рукой на заведение на углу рыночной площади.

– Но это дорого.

Отец всегда говорил Эрику, что есть в харчевне они себе позволить не могут.

– Не дороже денег, – усмехнулся Луций. – Пойдем.

Эрик согласился. В харчевне стоял полумрак и относительная тишина. За столами сидели несколько посетителей-либеров. Они тихо переговаривались и не обратили на мальчишек никакого внимания. Эрик, однако, чувствовал себя неловко. Луций провел его к столу около окна в дальней части зала. Эрик неуверенно сел, Луций занял место напротив.

– Нам что-нибудь перекусить, – сказал Луций, когда к ним подошла хозяйка.

– Извольте сладкое или что-то серьезнее?

– Друг мой, – с ехидной улыбкой обратился Луций к Эрику. – Изволишь сладкое?

– Д-да... Можно.

– Нам сладкое, – кивнул Луций.

– Что будете пить?

– Чай? – снова спросил Луций.

– Д-давай.

– Чай.

– Хорошо, – хозяйка поклонилась и ушла.

Мальчики остались вдвоем. Луций водил пальцем по поверхности стола, раздумывая о чем-то. Наконец поднял лицо к Эрику.

– Я порасспрашивал о Башне. Есть кое-что новое. Возможно, это тебя заинтересует.

Эрик вытянулся вперед. Руки нетерпеливо перебирали подол рубахи.

– Мой учитель, Растус, рассказывает уклончиво. Но есть один момент, который привлек внимание.

– Какой?

– Возможно, он касается твоих особенных камушков.

– В самом деле? – Эрик подскочил на месте.

– В хрониках говорится, что гуддары, которые раньше жили в Патере, хотя бы раз в жизни совершали паломничество к какому-то гуддарскому храму за *чашей*. Но интересно не это. Каждый паломник брал с собой камень и оставлял его в храме, а вместо него брал другой, принесенный ранее. Они считали, что камни, полежав в храме, набираются силы и защищают от бед. Эти камни хранили в домах, как реликвии.

– То есть?..

– Вспомни, что говорил Веньян. Твои камушки наполнены энергией. Он не смог ответить, откуда она, а я, кажется, разгадал загадку, – Луций расплылся в самодовольной улыбке. – Каково, а?

– Интересно... – Эрик почесал затылок. – Как же это связано с Башней?

– Почему ты думаешь, что связано?

Эрик прикусил язык и ничего не ответил.

– И еще момент, забыл о нем в прошлый раз, – Луций постучал пальцем по столу. – Есть одно имя, которое должно быть известно даже тебе – Аврелий.

– Не знаю такого.

– Конечно, не знаешь, – засмеялся либер. – Он жил так давно, что и представить себе сложно. Но в каждом городе Семиградья стоит посвященная ему целла. Именно он основал Культу. И, кажется, он же прогнал гуддарского князя из Патеры. Пока не знаю, что нам делать с этой информацией, но похоже, что при гуддарах Башню не трясло.

– И потом что-то изменилось...

– Верно.

Луций замолчал. Им принесли сладкое и чай. Луций положил на стол монету, хозяйка подхватила ее и низко поклонилась. Луций скорчил ей рожу, Эрик прыснул. Хозяйка поджала губы и ушла. Луций заговорщически хихикнул.

– На самом деле, это не очень хорошо, но зато весело, – сказал он, откусывая ягодный пирог.

Эрик последовал примеру. Пирог был божественный. Эрик промычал «м-м-м...», затем «вау-м-м...» и откусил еще. Кто-то из посетителей обернулся, посмотрел строго и недовольно.

– Чего он? – кивнул Эрик в сторону недовольного.

– Ай, не обращай внимания. Взрослые либеры считают,

что чавкать неприлично. По мне, так это такая мелочь. Оратор Сервий, который постоянно трется у нас дома и что-то вынюхивает, как-то за столом пускал газы, и все делали вид, что ничего такого не происходит. Этикет, знаешь ли, штука тонкая.

Эрик хмыкнул. Он представил себе почтенного оратора, который источает вокруг зловонное облако.

– Разве так можно говорить про оратора?

– Пока нас никто не слышит, можно.

– Я думал, что либеры уважают культистов.

– В большинстве своем так и есть. Но моя семья слишком знатного происхождения. А чем ты более знатен, тем у тебя больше претензий к действующей власти. Но это – между нами.

Луций приложил палец к губам, давая понять, что болтать не стоит. Эрик многозначительно покивал, мол, и так ясно.

Когда пирог и чай подошли к концу, дети выскочили на улицу, не забыв помахать хозяйке и соорудить смешные гримасы.

* * *

Перепрыгивая лужи, Эрик и Луций бодро шагали в сторону Башни и богатых кварталов.

– Всегда чувствую себя здесь неуютно, – поделился Луций, как только они пересекли рыночную площадь.

– Почему? – удивился Эрик. Район был для него родным.

– Шумно, много народу. Не привык к этому. Хотя с отцом я часто бываю в городской Префектуре, а до нее рукой подать. Вероятно, мне просто не нравится видеть бедных. Хочется, чтобы все могли позволить себе все.

– Но ведь я тоже бедный.

– Да, но... – мальчишка задумался, подбирая слова. – Ты ребенок, а дети все одинаковые. Грязные и веселые. Бедные взрослые другие. Они хмурятся, словно боятся лишний раз улыбнуться. Смотришь на них и все время думаешь, а не ограбят ли тебя прямо сейчас.

– Для меня это не проблема, отродясь не было денег в кармане. Мне нечего терять, и нечего бояться. И не хмрюсь, кстати.

– Вот об этом я и говорю, дети другие. Они не хмурятся.

– А слуги? У вас же полно слуг?

– Наши слуги живут хорошо, они уверены в завтрашнем дне. Есть крыша над головой, еда.

– У меня тоже есть крыша над головой, и у большинства бедняков.

– Ну-у-у... Не знаю, надо об этом поразмыслить. А вот, кстати, и Префектура.

По левую руку, действительно, стояло величественное здание городской Префектуры. Монументальные колонны поддерживали массивную выносную плиту карниза с нанесенными на нее изображениями конных и пеших либерских

воинов с большими щитами. В тени под карнизом группами собрались благородные либеры в длинных белых тогах. На карауле – несколько стражников-кустодиев.

– Бывал внутри? – спросил Луций.

– Нет, что ты. Не думаю, что туда вообще пускают гуддаров.

– Пожалуй, ты прав. В любом случае, мне внутри не нравится. Слишком все громоздкое какое-то. Прямо давит. Стоишь и думаешь, как бы не обделаться от страха.

Эрик прыснул.

– Ну а что, если правда так? – улыбнулся Луций.

За Префектурой город начал преобразаться. Многоэтажные дома на несколько семей сменялись особняками, которые становились тем больше, чем ближе дети приближались к Башне. Проходя один из перекрестков, они услышали чьи-то испуганные возгласы. Мальчишки оглянулись. В глубине переулка на целлита в черной сутане надвигалось сразу несколько гуддаров. Под их ногами лежал окровавленный акколит: серые одежды смяты и покрыты бурыми пятнами.

Дети замерли.

– Нет-нет, постойте, – бормотал целлит. На лице были ужас и удивление, спина уперлась в стену дома.

Один из нападавших поднял руку с кинжалом и нанес молниеносный удар. В глазах Эрика мелькнуло две полосы – лазурная и золотая, – Вен и Сола отразились на оружии. Либер заорал. От крика у Эрика по спине побежали мураш-

ки, а ноги стали деревянными и непослушными. Последовал еще удар. И еще.

Медленно сползая по стене и хватая ртом воздух, целлит затаих.

– Хватит с него, бежим! – выкрикнул кто-то.

Нападавшие развернулись и увидели мальчиков. Грозные, бородатые, искаженные злобой лица вызывали отвращение. Эрик сделал шаг назад. Снова замер. Варди? Мальчик узнал одного из гуддаров. Сын Айварса, друг Мии.

– Бежим, – шепнул Эрику Луций и потянул за собой.

Преодолев оцепенение, дети сорвались с места. Эрик смотрел только вперед. Мимо проносились дома, заборы, арки, колонны. Где-то слева споткнулся Луций.

– Попался! – услышал Эрик знакомый низкий голос.

Безумно хотелось бежать дальше, но он остановился и обернулся, боясь увидеть худшее. Над Луцием с занесенным ножом нависал Варди. Глаза гуддара горели яростью. На ноже сверкнули разноцветные блики, и у Эрика перед глазами пронеслась сцена убийства. Еще немного, и она повторится.

– Стой! – закричал Эрик. – Варди, стой!

Гуддар замер.

– Варди, это я, Эрик, брат Мии.

Казалось, Варди начал его узнавать.

– Что ты здесь делаешь? – нож в руке гуддара казался огромным.

– Не трогай, это мой друг! – вырвалось у Эрика.

– Как либер может быть твоим другом? С ума сошел?

– Не трогай его, прошу тебя!

Эрик ринулся вперед, чтобы встать между Варди и Луцием. Варди, удивленный прытью Эрика, опустил нож.

– Мы еще это обсудим, Эрик, – процедил он, отступая. – Позже. Валите отсюда, мелюзга, да поживее.

Уговаривать дважды не пришлось. Спотыкаясь, дети побежали прочь, свернули в какой-то переулок и перешли на другую улицу, пробежали еще пару кварталов и, запыхавшись, остановились в тени одного из особняков.

– Дрянь, – зло сплюнул Люций. – Что это было, Эрик? Ты знаешь их?

– Только Варди.

– То есть нам крупно повезло? Кто он тебе?

– Мне – никто. Это парень моей сестры.

– Что они хотели, почему убили культистов?

– Я не знаю. Не понимаю, что происходит...

Тут у Эрика в голове всплыли слова отца, подслушанные несколько ночей назад. «Горячие головы», вроде так говорил отец про Айварса и его парней.

– Похоже, друг мой, теперь я крупно тебе задолжал, – Люций похлопал Эрика по плечу. – Как минимум одну жизнь.

Друг. Эрик уже не раз слышал это слово от Луция, но только сейчас осознал, что у него действительно появился друг. Друг, за которого он готов вступить в беде. Эрик задумался, а были ли у него еще друзья? Те, за которых он

готов рисковать собственным благополучием, а может быть, даже и жизнью. Родители, сестра – да. Но ведь это не друзья. Кто еще? Он перебирал в голове знакомых и все сильнее убеждался, что ни к кому больше не испытывал такой сильной симпатии.

– Что с тобой? – донесся до Эрика голос Луция.

– Все нормально, – улыбнулся Эрик, так и этак проговаривая в голове слово «друг». – Я просто внезапно понял, что у меня раньше, кажется, не было друзей.

– Правда? – удивился Луций.

– Правда. И знаешь, друг, мне нравится, что теперь есть.

* * *

Какое-то время шли молча. Эрик продолжал думать о дружбе и о том, как странно устроен мир. Всю жизнь его окружало множество гуддарских сверстников, но ни один не стал для него другом. Они бегали по улицам Патеры, вместе играли, устраивали шалости, однако если кого-то настигало наказание в виде разгневанного взрослого, Эрик мчался прочь без зазрения совести. Почему с Луцием по-другому? Ведь он либер, у него другие взгляды на жизнь, между их родителями – пропасть. Или, быть может, дело именно в этом? Да и стоит ли вообще задаваться подобными вопросами?

До Башни было рукой подать, когда Луций остановился и с деловым видом сказал:

– Надо зайти ко мне, сообщить отцу. Это неправильно просто молчать о случившемся. Мне придется выслушать длинную лекцию, что не хорошо уходить так далеко от дома, но нам все равно нужно это сделать.

– Постой, Луций. Там ведь был Варди, у него возникнут проблемы. А он друг моей сестры.

– Эрик, ведь это убийство!

– Но...

– Эрик, какие могут быть «но»? На наших глазах убили невинного человека, и убийцы сейчас разгуливают на свободе! Твой Варди не знал, что участвует в убийстве?

– Мия, она будет потеряна...

– А вдруг, если мы ничего не сделаем, она будет убита? Или кто-то еще? Об этом ты думал?

– Мы можем хотя бы не говорить о Варди? Луций, пожалуйста. Мы не все знаем, вдруг были какие-то веские причины.

– Я думаю, что с этим прекрасно разберется городской Суд. Если он не виновен, то не виновен. Но если виноват, то виноват и должен понести наказание.

– Луций, я очень тебя прошу, – Эрик схватил друга за руку. – Помнишь, ты говорил, что должен мне. Вот сейчас самое время вспомнить про это.

Некоторое время либер молчал. Эрик пытался поймать взгляд, но тот отводил глаза. Огромная Башня за его спиной беспристрастно наблюдала за происходящим. Сколько

таких просьб видела она на своем веку? Сколько несправедливости? Обманов? Убийств? Имеет ли Эрик право вставать на пути правосудия? Имеет ли право просить друга о таком одолжении?

– Ладно, Эрик, договорились, – севшим голосом прошептал наконец Луций, словно каждое слово давалось ему с огромным трудом.

* * *

– Маленький господин!

В паре шагов стоял старый садовник. Как и при первой встрече, он был одет в просторные одежды с широкими рукавами, а лицо лучилось добродушием.

– Дагэ Веньян, – обрадовался Луций.

– С вами опять ваш друг. Приветствую, юный Эрик, сын Герхарда, – улыбнулся Веньян дружелюбно.

– Здравствуйте, – ответил Эрик.

– Какими судьбами снова в наших краях? Слуги шепчутся, что ты живешь аж у городского рынка.

Мальчишки переглянулись. Эрик решил промолчать и позволить отдуваться Луцию.

– Дагэ Веньян, это не важно. У нас дело куда более серьезное. Мы только что были свидетелями убийства.

– Убийства? Здесь? В этих кварталах?

– Не совсем. Недалеко от Префектуры.

– Та-а-ак. Кто-то уже знает? Вы сообщили кустодиям?

– Нет, нам не попался ни один от самой Префектуры. Так ведь, Эрик?

– К-кажется, да...

Эрик задумался. А ведь действительно, они не встретили ни одного стражника за все это время. Даже телохранителей-ликторов не было видно около поместий, хотя обычно кто-нибудь да прохаживался около ворот или стоял под аркой входа. Богатые районы Патеры словно замерли в напряжении и каком-то тревожном ожидании. Жители попрятались по домам, улицы опустели и только около целл кое-где стояли погруженные в благочестивые разговоры служители Культа.

Мальчик отмахнулся от тревожных мыслей. Он просто испуган, и поэтому казалось, что испуган весь город.

– Нужно сообщить о случившемся вашему отцу.

– Дагэ Веньян, не мог бы ты сделать это сам? У нас еще дело, я обещал помочь Эрику и боюсь, что если отец узнает о произошедшем, то сегодня уже никуда меня не отпустит. А я дал слово.

– Слово – это важно. Словами разбрасываться нельзя. Можно, я так и сообщу вашему отцу? Он человек чести. Слово значит для него много, и он, я уверен, хотел бы, чтобы оно много значило и для вас.

– Конечно. Я не хочу, чтобы из-за нас у тебя были проблемы.

– Хорошо, но мне нужны подробности. Что там все-таки произошло?

– Мы проходили мимо переулка и видели, как какие-то гуддары, – с этими словами Луций глянул на Эрика, – убили целлита и акколита. Зарезали ножами.

Луций говорил спокойно, но Эрик заметил, что его кулаки крепко сжаты.

– Нас увидели, – продолжал либер, – но мы убежали. Думаю, нам повезло. Те люди были настроены очень воинственно.

– Тревожные вести вы принесли, мой господин. Стоит ли ходить по городу одним в такое время?

– Веньян, ты обещал, – Луций строго посмотрел на старого садовника.

– Верно, и я не буду вас задерживать. Но пообещайте и мне, что, сделав дело, вы сразу вернетесь.

– Можешь мне поверить, Веньян. Я тоже не в восторге, что не могу сам поговорить с отцом.

Мальчишки откланялись и пошли дальше. На углу улицы Эрик обернулся. Старый садовник стоял, задумчиво разглаживая бороду. Тень от соседнего здания падала ему на ноги, отчего они сливались с камнями мостовой. Верхняя часть фигуры, подсвеченная лучами Светил, искрилась множеством разноцветных пятен. Эрик понимал, что это всего лишь игра света и тени, но ему все равно казалось, что старик был укутан волшебным плащом и парил над землей, не ка-

саясь ее ногами. Он словно бы пропускал через себя потоки той энергии, о которой рассказывал им несколько дней назад, и она источалась вовне удивительным хороводом странных метаморфоз, которые каждое мгновение происходили с его одеждой.

Эрик залюбовался зрелищем и остановился.

– Ты что? – одернул Луций. – Пойдем, нам нужно торопиться.

* * *

До Башни добрались без приключений. Только что слева и справа стояли высокие здания особняков, и вот дети уже были на пустом и безжизненном пологом склоне, усыпанном обломками камней и разрезанном прямоугольниками многочисленных полуразрушенных фундаментов.

Прямо перед ними уходила вверх темная громада Башни. Построенная так давно, что рассказы об этом сохранилась только в сказках, она казалась нерушима, как сам мир. На Башню Эрик смотрел с вожделением, он хотел проникнуть в ее суть, разгадать скрывавшиеся в ней тайны. Никогда прежде он не испытывал ничего подобного. Его интересовали рассказы матери и мастера Фроуда, проповеди целлитов. Но во всех других историях не было того, что задевало бы до самой глубины души. Мальчик не мог разобраться, что конкретно тянуло его сюда и почему раньше он не испытывал

этого чувства. Но точно знал, что надо быть здесь.

– Ну что, мой друг? – Луций, казалось, пришел в себя от потрясения и снова заговорил своим обычным тоном. – Что мы ищем здесь на этот раз?

– Все, что только сможем найти, – неопределенно махнул рукой Эрик. – Все необычное, что поможет узнать что-то новое. Или задать новые вопросы.

Они медленно пошли вверх по склону к подножию Башни. Эрик во все глаза глядел по сторонам, надеясь увидеть девочку, о которой думал с момента прошлой встречи. Что он хотел ей сказать? Что хотел узнать от нее? Может быть, все и сразу?

– Смотри-ка, – привлек внимание Эрика Луций. – Знаки на этом камне похожи на письмена, но не либерские, совсем другие.

– Руны гуддаров? – предположил Эрик. Он знал, что у гуддаров есть свои руны, но здесь, в Патере, никогда их не видел.

– Может быть.

Луций наклонился к камню и начал водить по нему пальцем, повторяя очертания знаков.

– Я как-то видел гуддарские руны, – наконец сказал он. – Мне показывал их учитель. Рубленые, острые, правильной формы. Какие-то квадраты, треугольники, палочки. Эти похожи, но не совсем. Смотри, здесь много округлых форм, как в алфавите либеров.

– Я ведь не умею читать, Луций.

– Ты не умеешь читать, но надписи-то на лавках и мастерских видел?

Все эти надписи казались Эрику полной бессмыслицей: завиточки, зигзаги, крючки. Они выглядели здорово, но вызвали у него зависть, что кому-то доступно то, что сам он не умеет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.